Не так страшен черт

Автор:
Алексей Калугин

Не так страшен черт

Алексей Калугин

Между адом и раем #1

Можно ли заключить с чертом сделку? А почему бы и нет, если договор оформлен по всем правилам и подписан не кровью, а обыкновенными чернилами. и суть его в том, что спецслужбам ада необходима помощь московского частного детектива Дмитрия Каштакова в расследовании загадочного дела, которое за один день поставило на уши весь Рай, Ад, КГБ и московскую мафию. Однако думать в этом случае приходится все больше не о гонораре, а о своей безопасности, и чем чаще, тем лучше...

Алексей Калугин

Не так страшен черт

Глава 1

ДЕМОНЫ

– Дмитрий Алексеевич, к вам посетители.

– Кто? – спросил я, нажав кнопку селектора.

– Демоны.

Признайтесь, часто ли вам доводится слышать такое от своей секретарши?

Не знаю, может быть, кто-то с чертями давно уже на «ты», а вот по мою душу они пожаловали впервые. Не настолько уж я большая шишка, чтобы представители Ада искали встречи со мной.

– Понял тебя, Светик, – сказал я, нажав кнопку на селекторе. – Действуй по обычной схеме.

С помощницей мне исключительно повезло. Мало того, что девушка была молодая и симпатичная, так к тому же и головка у нее была золотая – ничего не требовалось объяснять ей дважды. Сказав: действуй по обычной схеме, я мог быть уверен, что Светик, вежливо извинившись, сошлется на занятость патрона и не менее пяти минут продержит посетителей в прихожей. Это требовалось для того, чтобы клиенты могли проникнуться атмосферой места, куда привела их судьба, которой они сами нередко сгоряча давали самые нелицеприятные характеристики. А посидев недолго в прихожей, посетители обычно успокаивались, что помогало им относительно четко и в какой-то мере даже связно излагать свои мысли, после того как Светик приглашала их пройти в кабинет. Сколько именно следовало выдержать того или иного клиента в прихожей, Светик решала сама. И, следует отдать ей должное, ошибалась она крайне редко.

Припомнив все дела, которыми мне приходилось заниматься в последнее время, и прикинув кое-что в уме, я так и не смог догадаться, что за нужда могла привести ко мне чертей. Допустим, в своем деле я не самый последний человек, но ни с какими громкими историями, о которых потом писали бы в газетах и рассказывали по телевидению, имя мое никогда не было связано. Не говоря уж о делах, корни которых уходили в политику. Кто-то, возможно, назовет меня чрезмерно осторожным, но сам я отношу себя к разряду людей разумных, не имеющих привычки совать свой нос туда, где его могут откусить. С некоторых пор я взял за правило строго следить, чтобы мои интересы никоим образом не только не пересекались, но даже, по возможности, не соприкасались с тем, что могло составлять профит «семьи» или НКГБ. Утерянные удостоверения личности, украденные кредитные карточки, поддельные завещания, телефонные звонки с угрозами, за которыми чаще всего так ничего и не следовало, да портреты неверных жен, выполненные в формате девять на

двенадцать на глянцевой бумаге «Кодак», – вот, собственно, и весь спектр моих профессиональных интересов как частного детектива. За более серьезные дела я брался с огромной неохотой и только в самых исключительных случаях, когда помощь требовалась кому-нибудь из близких мне людей, которых, прямо скажем, было совсем немного. Или когда меня уж очень настойчиво просили взяться за дело, подкрепляя слова соответствующим денежным эквивалентом.

Несомненно, НКГБ располагает несоизмеримо более сильным и действенным следственным аппаратом, нежели тот, который имел в своем распоряжении самый старательный и добросовестный последователь патриарха сыскного дела с Бейкер-стрит. Однако по окончании дела сыщики, в отличие от чекистов, не подшивают все документы в папки с личными делами тех, кто хоть как-то был в нем замешан, а передают их своим клиентам в обмен на вознаграждение, выраженное в денежной форме. И именно поэтому люди нередко обращаются за помощью в частное сыскное агентство, а не к представителям законной власти. Кроме того, многие почему-то считают, что я обладаю врожденным умением распутывать и улаживать самые застарелые конфликты, о первопричинах которых никто уже почти ничего не мог рассказать. Поэтому недостатка в клиентах я не испытывал. Проблема заключалась только в том, что далеко не все клиенты, добившись желаемого результата, спешили расплатиться. Одни пытались оспаривать счет, который я им выставлял, другие и вовсе старались побыстрее скрыться, считая, что больше им моя помощь никогда не потребуется. Подобного, естественно, никогда не случалось с частными детективами, работающими под прикрытием «семьи», но я предпочел свободное плавание, а потому, случалось, налетал на рифы или садился на мель.

На что я никогда не жаловался, так это на память. Однако, сколько я ни старался, мне так и не удалось вспомнить дело, в котором хотя бы один раз, пусть даже вскользь, упоминалось место, именуемое Адом. И тем не менее меня хотели видеть черти, с которыми у нас не было предварительной договоренности о встрече. Что им от меня было нужно, черт возьми?

На этот раз Светик продержала посетителей в прихожей ровно пять минут и ни секундой больше. Выходит, она решила, что эти триста секунд были необходимы мне, для того чтобы собраться с мыслями и подготовиться к встрече. Ну что ж, и на том спасибо. По крайней мере, я успел вспомнить все дела, о которых предпочел бы навсегда забыть, и лишний раз убедился, что перед любым из представителей Ада я был чист, как поцелуй младенца. Не знаю, что привело чертей в мою контору, но, что бы там ни было, никаких претензий, относящихся

как к моей профессиональной деятельности, так и к частной жизни, они предъявить не могли.

Да, похоже, и не собирались.

Во всяком случае, внешне пара чертей ничуть не напоминала тех, кто приходит сюда для того, чтобы выяснять со мной отношения. Скорее уж они выглядели, как придирчивые клиенты, явившиеся затем, чтобы переговорить с детективом по поводу весьма деликатного и в высшей степени щепетильного дела, затрагивающего как минимум вопросы фамильной чести, а потому желающие прежде, чем начать разговор, удостовериться в том, что сделали верный выбор.

Остановившись на пороге, черти принялись изучать мой кабинет. Взгляды их были настолько профессионально оценивающими, что на мгновение у меня даже зародилось подозрение, не являются ли они представителями какой-нибудь дизайнерской фирмы, решившими предложить мне обновить интерьер?

Вообще-то, за оформление офиса, который про себя я обычно называю просто конторой, я испытывал вполне законную, как мне казалось, гордость. Концепцию подсказал мне один из первых моих клиентов, психолог по специальности. Окинув быстрым взглядом помещение, в котором оказался впервые, он с тоской посмотрел на меня и спросил:

– Вы сами оформляли свой кабинет?

Я молча кивнул, внутренне настроившись на ожидание похвалы, – для обустройства своей конторы я приобрел специальный комплект офисной мебели, который, как говорилось в рекламном проспекте, «соответствовал последним дизайнерским разработкам ведущих европейских специалистов».

– Не стану говорить, на какие безрадостные размышления наводит меня интерьер вашего офиса, – тяжело вздохнул мой клиент. – Как мне представляется, люди приходят к вам не только для того, чтобы получить помощь в каком-то конкретном деле, но и подсознательно рассчитывая найти здесь понимание и сочувствие. Но холодный пластик столов, никелированные подлокотники кресел и яркий, прямой свет, льющийся с потолка, вовсе не располагают к доверительной беседе.

После этих слов я посмотрел на то, что меня окружало, совершенно иным взглядом. То, на что прежде я попросту не обращал внимания, видя за каждым предметом обстановки в первую очередь заплаченную за него сумму в твердой валюте, теперь, когда меня ткнули в это носом, и в самом деле бросалось в глаза, как надпись аршинными буквами: «Не влезай! Убьет!» Комната и в самом деле была похожа не на офис частного детектива, а на кабинет зубного врача, в который любой нормальный человек входит с невольным внутренним содроганием, ведомый нестерпимой мучительной болью.

– Как же, по-вашему, должен выглядеть мой кабинет? – посрамленно и униженно спросил я у посетителя.

– А что вам самому приходит на ум, когда вы слышите словосочетание «частный детектив»? – ответил он вопросом на вопрос.

Недолго думая, я обрисовал ему комнату, похожую на кабинет Майка Хаммера из одноименного телесериала.

К моему величайшему удивлению, маститый психолог тут же кивнул, подтверждая мою случайную догадку.

– Совершенно верно, – сказал он. – У большинства наших с вами, с позволения сказать, соотечественников, дорогой Дмитрий Алексеевич, представление о том, как должен выглядеть частный детектив, которому можно доверять, основывается на рассказах Артура Конан Дойля и крутых американских боевиках. Два этих образа диаметрально противоположны, но ваш гипотетический клиент подсознательно делает выбор в пользу Америки начала 50-х, поскольку викторианская Англия представляется ему вообще чем-то вроде страны Оз.

На следующий день я принялся за переоформление офиса. Начал я с того, что продал за полцены все, что в нем находилось, сделав исключение только для компьютеров, телефонов, селектора, оконных жалюзи и электрического чайника «Тефаль». Спустя неделю моя контора вполне годилась для съемок нового сериала о крутом нью-йоркском детективе, разговаривающем, не вынимая сигарету изо рта, и запивающем каждое второе слово глотком неразбавленного виски, воняющего сивухой хуже любого самогона.

Стиль чувствовался уже в прихожей. Открыв дверь со стеклянным оконцем, на котором полукругом по трафарету было выведено: «Дмитрий Каштаков. Частный детектив», посетитель оказывался в прихожей, стены которой покрывали светло-зеленые обои с простеньким геометрическим рисунком, при взгляде на который не возникало желания отследить все завитки и пересечения золотистых линий. В углу у двери стояла бочка с пальмой, под сенью которой располагался широкий кожаный диван для посетителей. Рядом – небольшой журнальный столик с десятком зачитанных иллюстрированных журналов полугодовой давности. Следить за тем, чтобы на столике ни в коем случае не появлялась свежая пресса, входило в обязанности секретарши. Как я заметил, новости чаще всего нервируют людей. А тех, у кого и без того ворох собственных проблем, свежая пресса одними своими заголовками способна за пару минут превратить в неврастеника. Сама же секретарша, одетая в строгий темно-синий костюм, приветливо улыбалась клиенту, сидя за старомодным конторским столиком.

Часть прихожей была отгорожена раздвижной стенкой. Там находились холодильник и небольшой столик, на котором Светик готовила мне и посетителям чай с бутербродами. За содержимым холодильника также следила Светлана, и в нем всегда было достаточно еды для того, чтобы просидеть в офисе безвылазно несколько дней. Это было связано с тем, что иногда мы обедали в офисе, а порою случалось и так, что я засиживался в конторе до позднего вечера и в итоге оставался ночевать.

Теперь что касается собственно кабинета. Стены его были отделаны панелями из синтетического материала, очень искусно имитирующего настоящее дерево. На двух противоположных стенах висели двухплафонные бра, в которые я намеренно вворачивал сорокаваттные лампочки, чтобы они не освещали помещение, а только создавали видимость желтого и рассеянного света. Под одним из них чуть кривовато был подвешен перекидной календарь с обнаженными красотками, вульгарность которых могла соперничать разве что только с беспринципностью тех, кто их запечатлевал на пленке, и тупостью тех, кто покупал подобную полиграфическую продукцию для украшения собственных квартир. Часть стены рядом с другим бра закрывала копия старого плаката к фильму «Касабланка», который я ни разу не видел. Под плакатом – четыре полумягких стула для посетителей. Слева от входной двери стоял горбатый платяной шкаф, похожий на поставленный вертикально двухспальный гроб. Рядом с ним – деревянная рогатая вешалка, на которой обычно висела моя широкополая фетровая шляпа с примятой особым образом тульей. Противоположный угол занимал предмет моей особой гордости – шкафчик со множеством ячеек, точно такой же, в каких знаменитые сыщики прошлого

хранили свои картотеки. В отличие от них, я работал с материалами, систематизированными с помощью компьютера, но шкафчик для картотеки придавал комнате необходимый колорит. Я не раз обращал внимание на то, как, едва только войдя в кабинет, клиент бросал в направлении картотечного шкафа заинтересованный взгляд. К тому времени, когда взгляд смещался в мою сторону, он обычно был уже уважительным. Должно быть, так же, как и мне, подобные шкафчики казались посетителям непременным атрибутом всякого уважающего себя сыскного агентства. Но для них навсегда оставалось тайной то, что в ящичках этого шкафа хранились только корешки оплаченных счетов за аренду помещения да старые газеты, которые я все время забывал выбросить.

Прямо напротив двери, уперевшись в пол широко расставленными ножками, словно боксер-тяжеловес на ринге, стоял огромный двухтумбовый стол из темного дерева, крышку которого я специально попросил обить зеленой фланелью. А за столом восседал я – эдакий Хэмфри Богарт начала XXI века. Прямо передо мной, на краю стола, располагался массивный чернильный прибор, купленный по случаю у знакомого антиквара, – вещь совершенно ненужная, но красивая. Правда, однажды этот чернильный прибор сослужил мне неплохую службу, – я заехал им по башке одному придурку, который решил выяснить со мной отношения, используя в качестве наиболее веского, как ему казалось, аргумента шестизарядную игрушку с калибром 6,35 миллиметра системы «сикемп». Что послужило причиной возникших между нами противоречий, сейчас уже не имеет никакого значения, так что и вспоминать об этом не стоит. Справа от меня за край стола цеплялась настольная лампа на гибкой ножке с круглым зеленым колпаком, в тени которой прятался телефонный аппарат со встроенным селектором. Слева стоял компьютер. Процессорный блок я спрятал под стол, а монитор, дабы придать ему вид, соответствующий обстановке, обклеил со всех сторон разноцветными листочками, на которых абсолютно неразборчивым почерком были записаны слова и цифры, которые случайному посетителю офиса должны были казаться исполненными непонятного ему смысла.

Единственное окно в комнате, затянутое всегда полуприкрытыми жалюзи, находилось у меня за спиной. При том, что освещение в комнате было неярким, это давало мне прекрасную возможность, оставаясь в тени, изучать посетителей, занятых в это время знакомством с кабинетом частного детектива, в котором большинство из них оказывались впервые.

Я зарегистрировал свое сыскное агентство в 2003-м году. К тому времени минуло уже два с половиной года со дня открытия Врат, и все же тогда я даже предположить не мог, что когда-нибудь в мою контору в качестве клиентов явятся черти.

Вообще-то, обитатели Ада предпочитали именовать себя демонами, но большинство из известных мне людей продолжали за глаза называть их чертями. Тут уж ничего не попишешь – нормальная человеческая логика: раз живешь в Аду, значит и имя тебе – черт. А вот обитателей Рая, в среде которых существовала довольно-таки сложная многоступенчатая иерархия, люди очень скоро прозвали святошами, хотя, как мне кажется, изначально никто не подразумевал под этим ничего дурного.

Появление чертей на улицах Москвы давно уже перестало вызывать ажиотаж среди граждан. А по первому времени, когда только открылись Врата, народ собирался толпами, чтобы поглазеть на них. Я слышал, что святоши крайне неодобрительно оценивали подобный повышенный интерес, проявляемый людьми в отношении обитателей Ада.

Как мне кажется, дело было в том, что во все времена и в любых культурных традициях зло получало куда более яркое и образное художественное воплощение – будь то литература, живопись или театр, – нежели добро. И, что удивительно, это происходило даже в тех случаях, когда автор ставил перед собой задачу изобличить порок и наглядно показать всю его пагубность и низменность. Хотите пример? Какая часть Библии пользуется наибольшей известностью? Верно – Апокалипсис. Хотя лично мне больше нравится книга Екклесиаста.

Образы обитателей Ада, созданные неуемной людской фантазией, хотя и были ужасны, но в то же самое время дышали жизнью, в отличие от стерильно-белых святых, изрекающих банальные истины с идиотически глубокомысленным выражением на заросших патриархальными бородами лицах, или пухленьких ангелочков, тяжело и неуклюже взлетающих, подобно объевшимся голубям, на своих рудиментарных крылышках. Поэтому сразу же после открытия Врат люди обратили все свое внимание именно на чертей, рассчитывая не только почувствовать замирание духа от близости инфернального пламени, но, возможно, и вкусить от того запретного плода, который, как многие тогда полагали, непременно имелся в кармане у каждого порядочного прислужника Сатаны! Могу представить себе, насколько велико было разочарование тех, кто

уже готов был объявить себя истым сатанистом, когда они увидели, что облик обитателей Ада не имеет ничего общего ни с одним из тех ужасающих образов, которые мы для них придумали: ни тебе налитых кровью глаз навыкате, ни отвисших до плеч ушей, ни дыма из ноздрей. Даже пресловутого запаха серы рядом с ними не ощущалось.

Черти, что сейчас, стоя на пороге, с интересом изучали обстановку моего кабинета, оба были среднего роста и отнюдь не атлетического телосложения. Руки их были чуть более длинными, чем у людей, а кисти рук – очень узкими, с тонкими и удивительно подвижными пальцами, словно у музыкантов или карточных шулеров. Головы, сидевшие на тонких, длинных шеях, казались чуть сдавленными с боков, но скорее всего такое впечатление создавалось потому, что у обоих были вытянутые подбородки, запавшие щеки и выступающие скулы. Волосы у чертей были гладко зачесаны назад, но если у одного из них они были иссиня-черными, то у другого – серо-стального цвета. Вопреки широко распространенному заблуждению, рогов у чертей не имелось. Во всяком случае, я их не видел. Полагаю, что также отсутствовали у них и копыта с хвостом. Иначе черти просто не смогли бы влезть в ту одежду, которая была на них. А одеты они были в узкие облегающие брюки и короткие курточки из синтетического материала черного цвета, по виду напоминающего кожу, но куда более легкого, удобного и практичного. Под курткой у одного из них была темно-фиолетовая рубашка с узким стоячим воротничком, застегнутым на все пуговицы, у другого – серая водолазка с обтягивающим горло воротом. На ногах – узкие черные полуботинки, типа мокасин.

В последнее время одежда, поставляемая из Ада, пользовалась феноменальным спросом в московских магазинах. Но покупали ее главным образом только туристы, потому что цены на адскую продукцию были запредельными благодаря торговым надбавкам, которые устанавливал лично Градоначальник. Разницу же между ценами поставки и продажи он, с неизменной улыбкой доброго папаши на круглом, как полная луна, лице, опускал в свой необъятный карман. Сам Градоначальник не придерживался никакого определенного стиля в одежде, но кепка из так называемой «адской кожи» в последнее время стала неотъемлемой частью его образа.

Как только черти закончили изучать интерьер кабинета и скрестили свои взгляды на мне, я тотчас же изобразил на лице улыбку, подобающую человеку, знающему себе цену, и сделал приглашающий жест рукой в сторону ряда стульев, стоявших у стены. Сегодня посетителей у меня еще не было, поэтому и

стулья все были целы.

Не двигаясь с места, черти быстро переглянулись.

– Вы Дмитрий Алексеевич Каштаков? – спросил черноволосый.

Голос у него был негромкий и чуть хрипловатый. По-русски он говорил правильно, без малейшего акцента и даже заметно «акал», как будто родился и всю свою жизнь прожил в Москве в те времена, когда в этом городе еще умели говорить на хорошем русском языке, не разбавленном блатной феней и иностранными словами, употребляемыми в таком контексте, что об их первоначальном значении можно было только догадываться. К сожалению, сам я тех времен уже не застал.

– Мама обычно называет меня просто Димочкой, – выдал я в ответ дежурную шутку.

Черт удивленно приподнял бровь. Он явно не понимал, что я хотел этим сказать.

– Да, именно так меня и зовут, – коротко кивнул я. – Каштаков Дмитрий Алексеевич.

– Вы частный детектив? – задал новый вопрос черноволосый черт.

– Если вам нужен зубоврачебный кабинет или нотариальная контора… – начал было я, но черт перебил меня, не дослушав.

– Нет, нам нужен именно частный детектив, – произнес он с убийственно серьезным выражением на лице.

– В таком случае вы попали именно туда, куда нужно, – вынужден был признаться я.

Сказав это, я снова указал на стулья.

На этот раз черти верно истолковали мой жест. Подойдя к стоявшим у стены стульям, они дружно опустились на них и почти синхронно закинули ногу на

ногу.

– Вас рекомендовал нам господин Свиридов, – выдал первую, прямо скажем, весьма скупую порцию информации черноволосый.

Я сразу же понял, о ком идет речь, однако счел необходимым заметить:

– Свиридовых на свете много. В одной Московии проживает не менее сотни человек с такой фамилией.

– Я говорю о Льве Давыдовиче Свиридове, – уточнил черт.

Что ж, это имя было мне знакомо. Примерно полгода тому назад я помог этому известному эксперту-фалеристу выпутаться из довольно-таки неприятной истории с одним из представителей «семьи», который решил наложить лапу на принадлежавшую Свиридову коллекцию форменных блях.

– Пару месяцев назад Лев Давыдович решил сменить гражданство и перебрался на постоянное место жительства в Ад, – не дожидаясь моего ответа, сообщил черт.

– А его коллекция? – спросил я, прежде чем успел подумать о том, что, наверное, не стоило бы задавать этот вопрос.

Но черт даже бровью не повел.

– Она тоже у нас, – сказал он. – Лев Давыдович передал ее в дар нашему Музею истории человечества.

Ну что ж, все лучше, чем если бы уникальная коллекция Свиридова оказалась в руках «семьи», дуреющей от той вседозволенности, которую обеспечивало ей прикрытие со стороны Градоначальника. Сейчас коллекция, по крайней мере, доступна любому, кто хотел бы с ней познакомиться. А как поступила бы с ней «семья», я, например, не берусь даже предположить. Что говорить о частной коллекции блях, если даже огромная копия статуи Давида из Пушкинского музея в один не особо прекрасный для нее день переехала на подмосковную дачу любовницы заправилы «семьи», причем даже не особо высокого ранга.

– Так что же рассказал вам обо мне Лев Давыдович? – поинтересовался я.

– Свиридов рекомендовал вас как человека интеллигентного, превосходно знающего свое дело, умеющего хранить тайны и не страдающего чрезмерным пристрастием к денежным знакам, свойственным большей части людей, – ответил черт.

Услышав столь лестную для себя характеристику, я понял, что пора начинать обычную в таких случаях демонстрацию, которая должна была утвердить клиента во мнении, что Каштаков – это именно тот, кто ему нужен. Откинувшись на спинку стула, я картинно возложил на угол стола левую ногу, так чтобы полоска солнечного света, проникающего сквозь приоткрытые жалюзи, легла на носок черного лакированного ботинка, а носком правой ноги распахнул дверцу стола, из которого тотчас же появился стандартный набор атрибутов всякого уважающего себя частного детектива: бутылка Смирновской, стопятидесятиграммовый граненый стакан и начатая банка маринованных огурчиков. Изображая из себя крутого парня, образ которого был создан американской массовой культурой, я тем не менее делал это на свой, русский манер. До краев наполнив стакан, я взял его в левую руку, а двумя пальцами правой выловил из рассола маленький пупырчатый огурчик. Резко выдохнув, я опрокинул стакан себе в глотку, после чего стукнул его донышком о стол. С хрустом раскусив огурчик пополам, я искоса глянул на своих гостей.

Обычно подобная демонстрация гусарской удали резко поднимала мой рейтинг в глазах клиентов, но сейчас, к моему удивлению, черти смотрели на меня с явным неодобрением. Сообразив, что на этот раз совершил ошибку, я убрал ногу со стола, выпрямился и, дожевывая огурец, в один момент навел на столе порядок.

– Итак, я слушаю вас, господа, – со всей почтительностью обратился я к посетителям.

Черти не спеша переглянулись. Мне показалось, что черноволосый взглядом спрашивал у своего молчаливого спутника, стоит ли иметь дело со странным типом, одетым в костюм, мода на который прошла лет пятьдесят назад, да к тому же еще и хлещущего стаканами водку в десять часов утра? В глазах черта с серыми волосами читалось сомнение. Но, подумав секунд десять, он все же утвердительно наклонил голову. Я истолковал этот его жест, как сигнал для себя.

– Отлично! – Я улыбнулся и с предвкушением потер ладони. – Прошу вас, господа! – Я указал рукой на противоположный край своего необъятного стола. – Перебирайтесь сюда вместе со своими стульями. Я надеюсь, разговор у нас будет доверительный.

Черти одновременно поднялись на ноги и, взяв стулья за спинки, переместились вместе с ними в указанном направлении.

– Итак? Я положил на стол перед собой руки со сцепленными пальцами, вопрошающе посмотрел на черноволосого, а затем перевел взгляд на его спутника. Обычно этого было достаточно для того, чтобы клиент принялся излагать суть дела, которое привело его в частное сыскное агентство. Поведение клиентов при этом особым разнообразием не отличалось: кто-то делал страшные глаза, кто-то пускал слезу или попросту разражался рыданиями, кто-то подавался вперед и переходил на таинственный шепот, – всего я выделил для себя семь основных типов поведения. Если когда-нибудь случится такое, что я вдруг почувствую себя обеспеченным человеком, имеющим возможность отойти от дел, то непременно сяду и напишу пособие для начинающих частных детективов, в котором подробнейшим образом охарактеризую все семь и объясню, какого подхода каждый из них к себе требует.

Однако сидевшие передо мной черти не соответствовали ни одному из известных мне типов. Никак не отреагировав на мое ненавязчивое предложение перейти к делу, они вновь переглянулись, после чего черноволосый запрокинул голову и внимательнейшим образом осмотрел потолок.

– Я слушаю вас, господа, – произнес я уже с некоторой долей раздражения.

В конце концов, если они пришли сюда только для того, чтобы посмотреть на мой офис, стилизованный под павильон для съемок очередного крутого полицейского боевика, то могли бы так честно и сказать, – я бы не стал возражать!

Взгляд черноволосого, скользнув по стенам, вновь остановился на моем лице.

Я натянуто улыбнулся. Мне показалось, что черт пытался решить для себя, не являюсь ли я таким же предметом декорации, как и календарь с голой

вульгарной бабищей на стене.

– Ваш офис защищен от прослушивания? – тихо произнес черноволосый.

– Если вы наводили обо мне справки, то вам должно быть известно, что прежде я занимался изготовлением эксклюзивных охранных систем, – ответил я. – Я лично устанавливал систему защиты от прослушивания в своем офисе и не реже одного раза в неделю провожу контрольное тестирование.

– Надеюсь, вы не станете возражать, если мы проведем собственную проверку? – все так же тихо спросил черт.

Я приглашающим жестом обвел рукой стены комнаты. Интересно, как они собирались проводить проверку, если даже не знали о том, что за систему защиты я установил?

Черноволосый сделал знак своему спутнику. Тот извлек из внутреннего кармана куртки небольшую плоскую коробочку, похожую на карманный калькулятор, и нажал несколько клавиш, расположенных на ее лицевой стороне. В треугольной световой ячейке быстро замигал красный огонек.

– Здесь, – черт с серыми волосами указал на телефонный шнур, свисающий с края стола.

Это были первые слова, произнесенные им за все то время, что черт находился в моем офисе, и я был настолько поражен его способностью говорить, что не сразу понял, что он имеет в виду.

– Вы позволите? – задал вопрос черноволосый.

– Что? – непонимающе переспросил я.

– Вы позволите удалить подслушивающее устройство из вашего телефонного шнура? – уточнил свой вопрос черт.

Я недоверчиво посмотрел на черный телефонный шнур.

– Вы думаете, в нем можно что-то спрятать, не повредив целостности оплетки?

– Можно, – уверенно ответил мне тот, что забавлялся с коробочкой. – Если запустить «клопа» с центрального коллектора, указав ему соответствующий телефонный номер.

Не дожидаясь, что я отвечу на это, черт с серыми волосами отложил коробочку в сторону и достал из кармана новый прибор, по виду похожий на миниатюрный шприц. Растянув телефонный шнур на столе, он быстро провел над ним тонким концом своего инструмента. Остановившись в том месте, где корпус инструмента негромко зажужжал, черт ввел иглу под оплетку телефонного шнура и надавил большим пальцем на противоположную торцевую часть инструмента.

– Не волнуйтесь, – сказал он, бросив быстрый взгляд в мою сторону. – Телефонная линия останется неповрежденной.

Я только плечами пожал – мол, черт с ним, с телефоном, показывай, на что ты способен.

Резким движением черт выдернул иглу из телефонного шнура.

– У вас найдется лист чистой белой бумаги? – снова обратился он ко мне.

Я достал из ящика бумагу и положил на стол.

Черт наклонился вперед. Рука, в которой он держал похожий на шприц инструмент, остановилась в центре листа. Черт поднял вверх большой палец, лежавший на торце инструмента, и быстро отвел руку в сторону. В центре листа осталась крошечная черная соринка.

– Прошу вас, – черт протянул мне трубочку длиною около пяти сантиметров и толщиною в палец. – Это…

– Рефракционный мини-микроскоп, – закончил я, беря прибор в руки и радуясь в душе тому, как ловко осадил черта.

Я давно уже мечтал о том, чтобы приобрести себе такую же игрушку адского производства. Внутри трубочки находился мощный волновой усилитель и рефракционный фильтр, в результате чего этот простенький на вид прибор давал увеличение, сопоставимое с иммерсионным микроскопом. Но в Московию рефракционные мини-микроскопы поставлялись только по спецзаказам, и цены на них, соответственно, были просто невообразимыми. Хотя, как я слышал, в Аду они стоили совсем недорого.

Приложив трубочку к глазу, я направил другой ее конец на соринку в центре листа. То, что я увидел, напоминало по виду плоского жука с десятью тоненькими ножками-крючьями и тремя воронкообразными выводами для сверхчувствительных микрофонов на спине. Достав из стола скальпель, я осторожно подцепил «клопа» кончиком лезвия и перевернул на спину. На брюшке миниатюрного шпиона имелось несколько выходов, которые можно было использовать для подключения к сети. Таким образом, все, что улавливали микрофоны, расположенные на спине у «клопа», тут же передавалось тем, кто его послал. Следуя по телефонной линии, сигнал беспрепятственно миновал все глушители и фильтры, которыми я оборудовал свой офис. Ничего подобного мне никогда прежде видеть не доводилось, поэтому я со всей уверенностью мог сказать, что устройство имело внеземное происхождение.

– Установив код, по которому «клоп» сбрасывает информацию, можно узнать, кто его послал, – сказал я, посмотрев на сероволосого черта, в котором почувствовал своего коллегу.

– В этом нет необходимости, – ответил мне черноволосый.

Его молчаливый приятель достал из кармана небольшой квадратный кусочек белого пластика, снял с него защитную пленку и на секунду прижал к тому месту, где лежал крошечный «клоп»-шпион. Убедившись, что подслушивающее устройство оказалось на липкой поверхности пластикового квадрата, черт прикрыл его защитной пленкой и спрятал в небольшой плоский контейнер, похожий на портсигар. После этого он рассовал по карманам все свои хитроумные приспособления и снова включил тестер. На этот раз индикатор замигал зеленым огоньком.

– Все чисто, – сказал черт, убирая тестер в карман.

Теперь я уже и не знал, с чего начинать разговор.

– Подслушивающее устройство, которое мы извлекли из шнура вашего телефонного аппарата, было изготовлено в Раю, – сказал черноволосый черт, и на этот раз голос его прозвучал уверенно и громко. – Подобными устройствами не располагает ни «семья», ни Новый Комитет Государственной Безопасности. Обе эти организации контролируются Градоначальником Московии, а его отношения с официальными представителями Рая, как вам известно, оставляют желать лучшего.

– А неофициальные поставки? – спросил я.

– Только не из Рая, – уверенно качнул головой черноволосый черт. – Если бы вы были знакомы с методами работы спецслужб Рая, то не стали бы задавать подобных вопросов. Именно превосходная организация, высокий уровень материально-технического оснащения, предельная жесткость используемых методов и строгая секретность работы райских спецслужб, в совокупности с мощной пропагандистской машиной Рая, долгое время обеспечивали святошам приоритет в неофициальных контактах с Землей. Открыв Врата, мы сделали наше общество открытым для людей, чем сразу же лишили представителей Рая почти всех их преимуществ. Теперь они могут противопоставить нам только свою превосходную информированность обо всем, что происходит на Земле за ширмой официальных правительственных сообщений, и способность подспудно влиять на готовящиеся решения по тем или иным политическим вопросам. И то лишь потому, что мы в принципе отвергаем подобные методы.

Превосходно! Только этого мне и недоставало! Гости из Ада, райские спецслужбы и современная политика – почти полный набор всего того, чего я так старательно пытался избегать в ходе своей деятельности.

– Послушайте, – я поднял обе руки, обратив их ладонями вперед, словно желая таким образом дистанцироваться от того, что говорил черт. – Я не имею никаких дел с политикой. Не знаю, что за проблема привела вас ко мне, но уверен, что вы обратились не по адресу. Вам следовало бы обратиться не к скромному частному детективу, а в НКГБ.

– Наше дело не имеет никакого отношения к политике, – заверил меня черноволосый. – Я просто вкратце обрисовал вам ту ситуацию, в которой нам

приходится действовать, чтобы вам стало ясно, почему мы обратились за помощью именно к вам, а не в НКГБ.

– А почему в моем телефонном шнуре сидел райский «клоп»? – спросил я.

Черноволосый взглядом переадресовал вопрос своему спутнику.

– Признаться, для меня это тоже загадка, – ответил тот. – Но скорее всего «клоп» не имеет никакого отношения к нашему делу.

– Да, но до тех пор, пока в моем офисе не появлялись черти, у меня не водились и райские «клопы», – возразил я. – При контрольной проверке всего офиса я бы непременно обнаружил подслушивающее устройство, которое вы извлекли из телефонного шнура. Последнюю проверку я проводил в пятницу, то есть всего три дня назад. А это значит, что «клоп» прибыл как раз к вашему приходу.

– Я не знаю, чем объяснить это совпадение, – покачал головой черт с серой шевелюрой. – Но надеюсь, что если мы начнем совместную работу, то сможем отыскать ответ и на этот вопрос.

Скрыть свое изумление мне не удалось.

– Совместную работу? – повторил я следом за чертом, только уже с вопросительными интонациями.

– Мне импонирует ваш стиль, – произнес черт с серыми волосами. При этом голос его был бесстрастным, а выражение лица оставалось непроницаемым. – Я думаю, мы сработаемся.

– Так, – я чуть приподнял руки и медленно опустил их ладонями на стол. – Во-первых, мне не нужны компаньоны. Во-вторых, я пока еще ровным счетом ничего не знаю о том деле, с которым вы ко мне пришли. В-третьих, я ничего не желаю о нем знать. Надеюсь, вопрос исчерпан? – Я посмотрел на черноволосого черта, в котором успел распознать старшего по званию. Или по должности – не знаю, какая у них там в Аду служебная иерархия.

– Сколько вы обычно берете за работу, господин Каштаков? – пропустив всю мою длинную тираду мимо ушей, с невозмутимым видом поинтересовался черноволосый.

– Сто долларов в день, – не задумываясь, ответил я, бессовестно накинув на свою обычную таксу двадцатку. – Плюс бензин и накладные расходы.

– То есть двадцать шеолов, – тут же перевел деньги в свою адскую валюту черноволосый.

Все верно, в обменных пунктах Московии за один адский шеол давали около пяти долларов или семьдесят пять московских рублей, которые шли по пятнадцать за доллар.

– Что вы скажете, если мы предложим вам пятьдесят шеолов в день? – задал новый вопрос черноволосый.

Он мог бы и не спрашивать – достаточно было просто назвать сумму.

Для солидности я все же сделал вид, что обдумываю предложение. Впрочем, надолго меня не хватило. Если пять минут назад я хотел, чтобы мои незваные визитеры молча поднялись, откланялись и навсегда исчезли как из моей конторы, так и из моей жизни, то теперь я боялся, что именно так они и поступят, истолковав мой крайне задумчивый вид как нежелание сотрудничать. Сосчитав мысленно до тридцати, я одарил чертей самой дружелюбной своей улыбкой и сделал заявление на пределе наглости:

– Аванс – сто шеолов.

Не говоря ни слова, черноволосый достал из внутреннего кармана куртки черный портмоне из мягкой «адской кожи» с большой золотой монограммой, который сам по себе, должно быть, стоил дороже всех тех денег, что мог вместить кошелек, и, аккуратно отсчитав требуемую сумму, положил деньги на стол. Я взял десять красных бумажек, на каждой из которых была изображена пентаграмма с цифрой десять в центре, и, сложив их вдвое, небрежно сунул в нагрудный карман своего темно-синего пиджака с широкими лацканами.

– Чем я могу вам помочь, господа?

– Вы должны помочь нам найти человека, – ответил черноволосый.

– Именно человека? – уточнил я, дабы удостовериться в том, что мне не придется разыскивать какого-нибудь черта или святошу.

– Именно человека, – подтвердил черноволосый.

– Как его имя?

– Семен Семенович Ястребов, – сказал черт и тут же добавил: – Если только это имя не вымышленное.

– Он житель Московии?

– Скорее всего да.

– Фотография?

Черноволосый глянул на своего спутника. Тот быстро сунул руку во внутренний карман куртки, в котором, как я уже мог убедиться, у него хранилось множество хитроумных штучек, и выложил передо мной фотографию. Снимок по формату был похож на те, что получают с помощью «Полароида», но выгодно отличался от последних отменным качеством изображения, высокой степенью разрешения и превосходной цветопередачей. Цвета произвели на меня особенно сильное впечатление, потому что на снимке был запечатлен мертвец. Это был мужчина лет пятидесяти – пятидесяти пяти, с гладкими темными волосами, изрядно поседевшими, но не поредевшими. Даже как следует подумав, я мог сказать о нем лишь одно: мы с ним никогда не встречались.

Глава 2

ЯСТРЕБОВ

В правом нижнем углу фотографии была проставлена дата: 16 мая 2005 года.

– Вам нужен покойник? – спросил я у чертей, стараясь не демонстрировать слишком уж явно свое недоумение.

– На все ваши вопросы, господин Каштаков, ответит мой спутник, – черноволосый едва заметно кивнул в сторону второго черта. – Он в какой-то степени ваш коллега.

– Я об этом уже догадался, – ободряюще улыбнулся я «коллеге».

– Мое имя Анс Гамигин, – представился черт. – Я представляю Службу специальных расследований, курируемую лично Сатаной.

– А вы? – вопросительно посмотрел я на черноволосого.

– Шперн Вилиал, – назвал свое имя тот. – Демон-администратор в Управлении внешних сношений Сатаны. Моя задача… Впрочем, вы, должно быть, уже и сами поняли, в чем заключается моя задача.

В ответ я только кивнул. Администратор, он и есть администратор, – о чем тут спрашивать. Ясно было, что этих двоих привело ко мне не частное дело. Но за те деньги, что они готовы были мне платить, я был не против несколько изменить правила, которые сам же для себя установил.

– Так что насчет этого? – спросил я, помахав фотографией. – Снимок, прямо скажем, не особо удачный. Те, кто видел этого человека живым, вряд ли сумеют опознать его в жмурике с посиневшим лицом.

Хотя обращался я главным образом к своему «коллеге» Гамигину, ответил мне администратор Вилиал:

– Простите, но другими фотографиями интересующего нас лица мы не располагаем.

– Фотография была сделана два дня назад.

– Совершенно верно, – наклоном головы подтвердил мои слова Вилиал.

– Возможно, вашего покойника еще не успели похоронить. Поэтому предлагаю для начала обзвонить все морги.

– Нет, нет, нет, – медленно покачал головой Вилиал. – Ни в одном из моргов Московии этого человека сейчас нет и быть не может. Точно так же, как нет его и ни на одном из кладбищ.

Я снова взглянул на фотографию, надеясь заметить какой-нибудь подвох. Но сомнений быть не могло – человек, запечатленный на снимке был мертв, как Ильич с тех пор, как прописался в Мавзолее, хотя, следует признать, несостоявшийся вождь мирового пролетариата сохранился куда лучше, хотя и был мертв уже не одно десятилетие.

– Давайте я расскажу вам все по порядку, – предложил Гамигин.

– Да уж будьте так любезны, коллега. – Бросив фотографию на стол, я откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди и хотел уже было, как и полагается истому сыщику, возложить ноги на угол стола, но вовремя вспомнил о том, что мои нынешние клиенты не одобряют подобной манеры поведения. Да, признаться, она мне и самому не очень-то нравилась, однако чего не сделаешь на потребу публике. – Я весь внимание.

– Человек, которого вы видите на фотографии, был обнаружен мертвым два дня назад в туалетной кабинке универсального торгового комплекса «Бегемот», расположенного на территории Ада, – четко, по-деловому, как и полагается сыскарю, приступил к изложению сути дела демон-детектив Анс Гамигин. – При нем не было обнаружено никаких документов или бумаг, которые могли бы помочь идентифицировать его личность. Однако в кармане пиджака был найден бумажник с сотней шеолов и пятью тысячами московских рублей, что сразу же исключило версию об ограблении. Тело было доставлено в морг. Однако, поскольку существовала возможность, что умерший не являлся подданным Ада, мы решили временно не производить вскрытия, ограничившись изучением тела при помощи компьютерной томографии.

– Кучеряво живете, – криво усмехнулся я. – У нас и для живых томографов не хватает.

Черт, похоже, не уловил иронии в моих словах. Или же просто сделал вид, что не заметил ее, сочтя, что так будет лучше для дела.

– У нас в Аду проблем с томографами нет, – счел нужным проинформировать меня он, после чего продолжил свой доклад: – Было установлено, что причиной смерти неизвестного послужила воздушная эмболия – закупорка коронарных сосудов сердца пузырьками воздуха, попавшими в кровоток.

– То есть неизвестный был убит, – уточнил я.

– Совершенно верно, – утвердительно наклонил голову Гамигин. – Воздух был введен при помощи самого обыкновенного медицинского шприца в медиальную вену на локтевом сгибе левой руки.

– Довольно-таки необычный способ убийства, – заметил я.

– Мы тоже так решили, – и на этот раз согласился со мной черт. – Однако существует довольно-таки большая группа людей, регулярно совершающих убийства подобного рода.

– Сатанисты? – с ходу предположил я.

Левая бровь Гамигина едва заметно дернулась, из чего я сделал вывод, что черт отнюдь не лишен чувств и мне все ж таки удалось зацепить его за живое.

– Извините, – сказал я. – Вам, должно быть, неприятны разговоры подобного рода. Но я считаю, что необходимо проработать все возможные версии.

– Те, кого вы называете сатанистами, – тихо произнес Гамигин, – по большей части просто психически неуравновешенные люди. Если они и совершают на Земле какие-то преступления, то Ад не имеет к этому никакого отношения.

– Мы неоднократно делали официальные заявления относительно тех, кто называет себя сатанистами, – добавил администратор Вилиал. – И нам хотелось бы надеяться, что данная тема давно уже исчерпана.

– Я всего лишь высказал предположение, которое первым придет в голову любому обывателю, узнавшему об убийстве человека в Аду, – сказал я. – Сатанисты совершили свою адскую мессу, прибив невинного агнца в сортире торгового комплекса, на прилавках которого, несомненно, имеется немало сувениров, которые, при желании, с легкостью можно квалифицировать как богохульские.

– Именно этого мы и опасаемся, – вынужден был признаться Вилиал. – Предубеждение против обитателей Ада все еще слишком велико.

– Но, говоря об убийствах, похожих на то, с которым мы столкнулись, я имел в виду вовсе не сатанистов, – сказал Гамигин. – Речь шла об ученых.

– Об ученых? – удивленно повторил я.

– Именно, – коротко кивнул Гамигин. – Насколько мне известно, воздушная эмболия – это довольно-таки широко распространенный метод убийства лабораторных мышей.

Услышав такое, я не смог удержаться от саркастического смешка:

– Вы хотите сказать, что какой-то свихнувшийся лаборант, пристрастившийся убивать с помощью шприца белых мышек, начал распространять свой навык и на людей?

– Я просто хотел обратить ваше внимание на необычность данного способа убийства, – спокойно ответил мне Гамигин. – Не знаю, как вы, а я с подобным сталкиваюсь впервые.

Тут он был прав – мне тоже никогда прежде не приходилось слышать об убийстве, совершенном при помощи наполненного воздухом шприца.

– А не могло это быть самоубийством? – на всякий случай спросил я.

– Орудие убийства не было обнаружено, – ответил черт.

– Хочу заметить, что Служба специальных расследований Сатаны, которой поручено расследование данного преступления, работает на очень высоком профессиональном уровне, – счел нужным добавить Вилиал. – За последние пятьдесят лет в Аду не было совершено преступления, которое осталось бы нераскрытым. А уровень тяжких преступлений практически сошел на нет.

– Но вы сказали, что вам нужен он? – Я ткнул пальцем в фотографию покойника, которая лежала на столе. – А теперь выясняется, что речь идет об убийстве.

– Дело в том, что в данный момент нам нужно отыскать не столько убийцу, который рано или поздно обязательно будет найден, сколько тело жертвы. – Гамигин говорил медленно, видимо, для того, чтобы дать мне возможность взвесить и оценить каждое произнесенное им слово. – То самое, которое вы видите на снимке.

Я непонимающе посмотрел на фотографию. Человек, изображенный на ней, был мертвее мертвого. Какие же проблемы могли возникнуть с определением его нынешнего местонахождения?

– Мы идентифицировали погибшего как Семена Семеновича Ястребова, жителя Московии. Он прибыл в Ад по туристической визе 6 апреля. По заявлению, которое Ястребов сделал на паспортном контроле, никаких деловых или коммерческих целей его визит в Ад не преследовал. 16 апреля, когда в туалете торгового комплекса был обнаружен неопознанный труп, срок пребывания Ястребова в Аду истекал. Однако в назначенный срок на паспортный контроль он не явился. Когда на следующий день представитель службы правопорядка нанес визит в гостиницу «Розенкранц», в которой проживал Ястребов, он узнал у портье, что означенный господин не ночевал в своем номере. Там была обнаружена сумка с предметами туалета, легкая ветровка, рубашка, смена белья, фотоаппарат, путеводитель по Аду и прочая мелочь, которую обычно имеют при себе туристы. Никаких документов или именных предметов, подтверждающих личность человека, проживающего в номере, найти не удалось. Ястребов и по сей день не объявился, что дает нам право предположить, что именно его тело было найдено в туалете торгового комплекса «Бегемот».

– Насколько мне известно, в Аду проживает немало людей, имеющих долгосрочные визы или принявших адское гражданство, – заметил я.

– Мы уже провели тщательную проверку, – ответил Гамигин. – Ни один из людей, постоянно проживающих в Аду, не числится пропавшим без вести. Сделать это, как вы понимаете, было совсем несложно, поскольку территория Ада ненамного превышает площадь Московии.

– Однако в Московии люди пропадают с удивительной регулярностью, – мрачно усмехнулся я. – И, что характерно, редко кого после этого удается отыскать.

– Ад – это не Московия, – деликатно поправил меня демон-детектив. – У нас подобное невозможно.

– Рад слышать, – кивнул я. – Вы проявили пленку из фотоаппарата Ястребова?

– На пленке не был отснят ни один кадр.

Я задумчиво качнул головой:

– Не похоже на туриста… Ну а как насчет портье из гостиницы, – он опознал труп неизвестного?

Прежде чем ответить на этот вопрос, Гамигин сделал паузу и быстро взглянул на своего спутника.

– Дело в том, – тихо произнес он, – что к тому времени, когда нам стало известно о пропавшем постояльце из гостиницы «Розенкранц», труп из морга исчез.

– То есть как исчез? – удивленно посмотрел я на чертей.

Администратор Вилиал молча развел руками так, словно хотел дать понять, что к произошедшему он лично не имеет никакого отношения.

– Мы провели тщательнейшее расследование, – ответил мне Гамигин, – но так и не смогли выяснить, куда делся труп.

– Ну, вы даете, ребята! – Я усмехнулся и восхищенно покачал головой. – Потеряли покойника, не можете его найти и после этого утверждаете, что ваша Служба расследований лучшая в мире!

– У каждого случаются проколы, – в голосе детектива Гамигина впервые прозвучало что-то похожее на смущение.

– И что же вы теперь от меня хотите? – вопрошающе посмотрел я сначала на Вилиала, а затем на Гамигина. – Чтобы я отыскал вам этот исчезнувший труп?

– Было бы неплохо, – согласился с моим предложением Вилиал.

Гамигин, как оказалось, мыслил более реалистически, нежели демон-администратор.

– В первую очередь нам хотелось бы избежать скандала, который непременно будет раздут представителями Рая, как только им станет известно о том, что в Аду при невыясненных обстоятельствах был убит гражданин Московии, – сказал он. – Поэтому, прежде чем обратиться к официальным властям Московии, мы решили провести собственное расследование. Мы уже проверили всех Ястребовых, проживающих на территории Московии, и выяснили, что ни один из них не числится пропавшим без вести и даже не посещал в ближайшее время Ад. Также не было ни одного Ястребова и среди граждан других стран, прибывших в Московию за последние две недели с намерением посетить Ад.

Вывод из всего вышеизложенного напрашивался сам собой.

– Следовательно, тип, прибывший к вам под именем Ястребова, имел поддельный паспорт, – сказал я.

Однако демону-детективу мое заключение показалось не вполне обоснованным.

– У нас на таможне действует самая современная система проверки документов, – привел он довод, который ему самому, наверное, казался неотразимым. – Возможность проникновения в Ад по поддельному паспорту совершенно исключена.

– Дорогой мой, – усмехнулся я наивности своего собеседника. – Все дело в том, что в Московии человек может иметь десяток паспортов на разные имена и, что самое удивительное, все они будут настоящими.

Черти удивленно переглянулись.

– Я же говорил вам, что подключение к расследованию сыщика из числа людей может оказаться весьма продуктивным, – сказал, обращаясь к своему собрату, Гамигин.

Признаться, я был удивлен вполне искренне:

– Вы разве никогда не слышали, что мафиозная группировка, именующая себя «семьей» и контролирующая всю территорию Московии, пользуется покровительством Градоначальника? У нас об этом знает, наверное, каждый ребенок.

– Да, конечно, – поспешно кивнул Вилиал. Впрочем, мне показалось, что он сказал это только потому, что боялся продемонстрировать собственную некомпетентность в вопросах, которые должен был курировать. – Но, признаться, мы не предполагали, что коррупция во властных структурах Московии достигла таких глубин, что…

Демон-администратор запнулся, не в силах найти подходящее сравнение. Пару раз он приоткрывал рот, собираясь что-то сказать, но всякий раз слова так и не слетали с его губ. Возможно, они казались ему не в меру резкими, а быть может, наоборот, слишком обыденными, чтобы отобразить то глубочайшее и ни с чем не сравнимое недоумение, которое он испытывал.

Выждав какое-то время, я решил прийти черту на помощь.

– Не изобретен пока еще такой прибор, который мог бы измерить глубины коррупции в Московии. Марианская впадина по сравнению с ними – лужа на мостовой после летнего дождика.

Гамигин подошел к новой информации куда более прагматично.

– Следовательно, мы можем сделать вывод, что человек, прибывший в Ад с паспортом на имя Ястребова, принадлежал к московской «семье»? – спросил он.

– С чего бы вдруг? – удивился я. – Поддельный паспорт, точно так же, как и фальшивую биографию, может купить себе каждый, у кого для этого имеется достаточно денег. Дайте мне тысячу шеолов, и завтра же вы оба станете гражданами Московии, да к тому же еще и коренными москвичами с родословной, уходящей в глубь веков.

– Неужели это так просто? – с некоторым сомнением посмотрел на меня Вилиал.

– Проще, чем вы даже это себе представляете, – заверил я черта. – Но давайте вернемся к нашему делу. – Я перевел взгляд на своего коллегу. – Зачем вам нужен труп?

– Ну как же, – непонимающе посмотрел на меня Гамигин. – Дело не может быть закрыто, пока преступник не найден. А если нет тела…

– То нет и преступления, – закончил я за него. – Вы понимаете, к чему я клоню?

– Признаться, не совсем, – смущенно покачал головой черт.

– Вы не хотите, чтобы этот случай получил огласку, верно? – спросил я. Черт быстро кивнул. – В Аду был убит человек, находившийся там по поддельным документам. Следовательно, у него имелись весьма веские причины скрывать свое подлинное имя. Что из этого следует?

Черти смотрели на меня в полнейшем недоумении.

Я безнадежно вздохнул, после чего сам ответил на свой вопрос:

– Из этого следует, что если лже-Ястребов исчез, то он исчез навсегда. И вы можете со спокойной совестью вычеркнуть его из списка гостей Ада. Просто забудьте, что такой человек когда-либо существовал.

Для того, чтобы осмыслить новую информацию, чертям потребовалось около пяти минут.

– Мне кажется, что это не совсем правильный подход к делу, – как-то очень уж задумчиво произнес Гамигин, соображавший значительно быстрее своего

спутника.

– Зато такой подход разом снимает все проблемы, – мило улыбнулся я, давая понять, что уже честно отработал полученный от чертей аванс.

Демон-детектив оказался куда въедливее, чем я ожидал:

– Но каким образом мог исчезнуть труп из морга? Кому и для чего он понадобился?

– Представления не имею! – развел руками я. – Вы хотите отыскать труп или решить возникшую проблему?

– И отыскать труп, и решить проблему, – ответил на мой вопрос Гамигин.

– Думаю, что первое исключает второе, – покачал головой я. – Наличие трупа вовсе не решает, а, напротив, создает для вас проблему.

На какое-то время черти снова погрузились в задумчивость. Откинувшись на спинку кресла, я с интересом посматривал на них, ожидая, чем все это закончится. Признаться, никогда не думал, что в Аду живут столь наивные идеалисты.

– Возможно, что вы и правы, – все еще пребывая в состоянии глубокой задумчивости, медленно кивнул Гамигин. – И тем не менее, – в глазах детектива вспыхнул огонь энтузиазма, который мне совершенно не понравился, – мы, по крайней мере, обязаны установить, кто был человек, называвший себя Семеном Семеновичем Ястребовым, зачем он прибыл в Ад и кем был убит. А для того, чтобы получить ответы на все эти вопросы, нам потребуется собрать необходимую информацию на территории Московии. На основании договора, заключенного два года назад между Службой специальных расследований Сатаны и Новым Комитетом Государственной Безопасности при Градоначальнике Московии, мы не имеем права проводить собственные официальные расследования на подведомственной ему территории. Вы же, господин Каштаков, не только являетесь гражданином Московии, но к тому же имеете еще и лицензию на право заниматься частным сыском. С учетом вашего превосходного знания местных особенностей ваша помощь в расследовании данного дела, которое мы не хотели бы предавать преждевременной огласке,

может оказаться неоценимой.

– Ну что ж. – Я улыбнулся и как бы невзначай коснулся кончиками пальцев кармана, в котором лежал полученный от чертей аванс, подумав при этом, что у всего на свете имеется своя цена. – Пожалуй, я смогу помочь вам собрать необходимую информацию.

– Вы будете работать совместно с детективом Гамигином, – быстро произнес Вилиал.

– Почему бы и нет? – не стал возражать я, помятуя о тех деньгах, которые готовы были заплатить черти за мои услуги.

– Когда мы приступим к делу? – тут же спросил Гамигин.

– Приходите завтра утром, – ответил я. – К этому времени я составлю план необходимых мероприятий.

Черт с готовностью кивнул.

– И не забудьте прихватить с собой побольше шеолов, детектив, – добавил я. – Не знаю, как там у вас в Аду, но у нас в Московии любая информация, в особенности конфиденциальная, стоит денег. Как ее добыть, я вас научу, но расплачиваться за нее вам придется из собственного кармана.

Глава 3

СВЯТОШИ

Важных и, что самое главное, денежных клиентов полагалось провожать со всеми почестями. Что я и сделал: лично провел чертей через прихожую и, выглянув в коридор, помахал вслед им ручкой. Закрыв дверь офиса, я улыбнулся сам себе и медленно провел ладонями по волосам, проверяя, не портит ли прическу выбившаяся прядка.

Светик с интересом посмотрела на меня, но, как обычно, воздержалась от каких бы то ни было комментариев по поводу происходящего. Лицо ее хранило выражение немного задумчивой отстраненности от всего сущего.

«Никогда не доверяй блондинке, даже если она не натуральная», – любил говаривать один мой приятель, женатый на блондинке. Светик, насколько я мог судить, не пользовалась никакой химией для того, чтобы придать своим волосам восхитительный цвет, сводящий с ума любого мужчину, успевшего что-то повидать в этой жизни. И тем не менее у меня не было от нее никаких секретов. Ну, скажем, почти никаких.

Как я уже говорил, с помощницей мне исключительно повезло. Быть может, не всякий назвал бы ее красавицей, но каждый, кто хотя бы раз заглядывал ко мне в офис, непременно отмечал, что моя секретарша удивительно мила и обладает почти магическим очарованием. Для иной девушки подобных достоинств было бы вполне достаточно, чтобы наилучшим образом устроить личную жизнь. Но Светик к тому же обладала еще острым умом, цепкой памятью, превосходно готовила и, что, пожалуй, самое важное при работе в сыскном агентстве, не имела привычки совать нос в чужие дела, когда ее об этом не просили. Единственной претензией, которую я мог бы ей предъявить, было то, что Светик полностью исключала возможность любого, пусть даже самого невинного флирта на рабочем месте. Но я и сам был далеко не Казанова, а потому, после того как Светик пару раз вполне деликатно, но при этом весьма решительно отвергла мои предложения сходить куда-нибудь вместе, наши отношения вошли в надежное русло теплых дружеских чувств.

Сунув правую руку в карман, я с улыбкой заправского ловеласа раскачивающейся походкой приблизился к столику, за которым сидела Светик, и, поддернув штанину, присел на угол стола.

– Как дела, детка? – произнес я мягким, бархатистым баритоном, чувственным и вызывающим на ответную нежность.

В ответ Светик одарила меня улыбкой Джоконды, подсыпавшей мужу яда в вино, и кинула на стол с десяток неоплаченных счетов.

Взглянув на бумаги, я презрительно усмехнулся.

– И это все, что омрачает наши отношения, детка? – Запустив два пальца в нагрудный карман, я плавным, изящным движением престидижитатора со стажем извлек на свет красненькие хрустящие шеолы.

Левая бровь Светика удивленно приподнялась.

– Ты нанялся на работу к чертям?

Один на один Светик говорила мне «ты», но при посторонних неизменно обращалась ко мне только на «вы».

– Какая разница, на кого работать, если за работу расплачиваются не московскими рублями, не американскими долларами и даже не райскими нимами, а адскими шеолами! – Я слегка шевельнул зажатые между пальцами купюры, чтобы насладиться их ни с чем не сравнимым шелестом.

– И сколько из этого причитается мне? – осведомилась Светик с прагматизмом, удивительным для столь юной и очаровательной особы.

Я щедрой рукой отделил пять купюр по десять шеолов и царственным жестом положил их перед Светиком на стол.

– Заплати по просроченным счетам, а остальное оставь себе.

Светик посмотрела на лежавшие на столе деньги так, словно это были обертки от шоколадок.

– Между прочим, сегодня уже 18 мая, – напомнила она.

– Я знаю, – снисходительно улыбнулся я.

Взгляд Светика сделался укоризненным.

– А я за март получила только половину причитающейся мне суммы.

Я смущенно кашлянул в кулак и прибавил к деньгам, лежавшим на столе, еще одну купюру в десять шеолов, остальные же сложил пополам и спрятал в карман, из которого они появились.

Выждав какое-то время и убедившись, что я не собираюсь больше ничего добавить, Светик приоткрыла ящик стола и небрежно смахнула в него лежавшие на столе адские деньги.

– Какие у нас на сегодня планы? – спросила она.

– Планы? – Я задумчиво возвел глаза к потолку.

После недавнего ремонта потолок был белый и чистый, как снег на сопках, что отнюдь не способствовало продолжительному его созерцанию.

Располагался наш офис на втором этаже некогда большого и в меру процветающего научно-исследовательского института биологического профиля. Конечно, Погодинская улица – это не центр Москвы, но зато здесь тихо, и цены за аренду помещений вполне приемлемые. А добраться сюда было совсем несложно – десять минут ходьбы от станции метро «Фрунзенская». А на машине за то же самое время можно доехать до «Киевской» или «Парка культуры». Поэтому местоположение офиса никак не влияло на приток клиентов. Прежде в институте кипела жизнь, но со временем, когда финансирование науки в стране, тогда еще называвшейся Россией, стало резко сокращаться, сотрудникам института пришлось изыскивать альтернативные способы добывания денег. Самым простым и доступным оказалась сдача в аренду части институтских помещений. Тогда-то я впервые и появился на Погодинской улице вместе со своим приятелем Стасом, который через свою подругу, работавшую в институте, узнал о свободных помещениях. Было это летом 1995 года – ровно десять лет назад и за шесть лет до открытия Врат, изменившего судьбу нашего мира так, как никто, наверное, даже и не предполагал.

Мы со Стасом давно уже подрабатывали, занимаясь изготовлением оригинальных охранных систем по индивидуальным заказам. Естественно, обслуживали мы главным образом своих знакомых и знакомых своих знакомых, а следовательно, получали за свою работу куда меньше, чем она в действительности могла принести. Зачастую случалось даже так, что полученных денег едва хватало на то, чтобы окупить стоимость

использованного оборудования. Ну а поскольку ни у кого из наших клиентов никаких претензий к качеству работы не было, Стас однажды завел разговор о том, что пора бы нам открыть собственное серьезное дело. Я ничего против этого не имел. Выполнив еще несколько частных заказов, мы подкопили денег и стали искать помещение под офис будущей фирмы, для которой уже и название соответствующее было придумано: «Алярм».

В институте на Погодинской нам показали несколько комнат, предназначенных под сдачу в аренду, из которых мы выбрали две. Большую квадратную в конце коридора, в центре которой стояли два монументальных лабораторных стола с кафельным покрытием, мы определили под мастерскую, а просторную с прихожей, в которой прежде сидел не иначе как сам директор института, мы отвели под место встречи с будущими заказчиками.

Как ни удивительно, дела у нас с самого начала пошли очень даже неплохо. Примерно через полгода к нам уже стали обращаться не только частные клиенты, желающие обезопасить свои квартиры и дачные домики от проникновения в них незваных гостей, но и представители различных фирм, опасающиеся как за свою собственную безопасность, так и за сохранность финансовой документации, разглашение содержания которой могло бы нанести фирме серьезный ущерб. Прежде всю работу мы со Стасом выполняли сами, но теперь нам пришлось нанимать работников.

Дело наше процветало, и нам даже удалось пережить без особых потерь августовский кризис 1998 года, когда рушились куда более крупные предприятия, чем наша скромная фирмочка. И даже президентскую кампанию 2000 года мы благополучно миновали. Но вот открытие Врат в 2001 году нам пережить не удалось. Вернее, не само по себе открытие Врат, а то, что за этим последовало. Хотя, несомненно, подготовлено оно было событиями нескольких последних лет.

В августе 1998 года рубль, тогда еще российский, за одну ночь обесценился в три раза. Рынок ценных бумаг рухнул, государство отказалось платить по долгам, а Госбанк вновь принялся в бешеном темпе печатать бумажные рубли, которые уже никому не внушали доверия. В середине 1999-го началась война в Дагестане. Вначале никто не придавал ей особого значения, – в те времена на Кавказе все время было неспокойно. Но осенью начались взрывы жилых зданий в Москве. Жертвы после каждого взрыва исчислялись сотнями. Первыми результатами этих террористических актов стало окончательное падение

доверия к Президенту и правительству, состав которого менялся с такой скоростью, что никто уже не удивлялся, видя на экране лицо совершенно незнакомого человека и титры: «премьер-министр России», и всплеск бытового национализма в отношении кавказцев, поскольку еще до начала следствия было безапелляционно заявлено, что во всех взрывах виноваты чеченцы, которые не смогли смириться с поражением в Дагестане. Ни исполнители, ни непосредственные заказчики взрывов, прогремевших той осенью в Москве, до сих пор не найдены. Зато под весь этот шум в Чечню вновь были введены войска и началась новая, как всегда ужасающе бессмысленная и беспредельно жестокая, кавказская военная кампания.

Пользуясь неспокойной обстановкой и нарастанием панических настроений в Москве, Градоначальник усилил паспортный контроль. Теперь все, кто не имел московской прописки или хотя бы временного разрешения на проживание в столице, за которое, кстати, нужно было заплатить немалые деньги, незамедлительно выдворялись из первопрестольной. Коренным населением Москвы подобные меры воспринимались на «ура». Не всеми поголовно, но люмпенами, которые, как известно, составляют подавляющее большинство любой орущей толпы и на которых в первую очередь как раз и были рассчитаны все эти показные меры борьбы с преступностью. Жить после этого в Москве спокойнее не стало, но поставленной перед собой цели Градоначальник добился: его рейтинг резко пошел в гору.

Президентская команда тем временем тоже не дремала.

Сам-то Президент к тому времени уже спал беспробудным сном. Когда же его время от времени вытаскивали под объективы телекамер, по его недоумевающему лицу было понятно, что бедняга просто не понимает, где находится и что от него хотят все эти люди, толпящиеся вокруг. Народ, в большинстве своем давно уже не принимавший всерьез ни одно из невнятно произносимых Президентом слов, теперь только жалел несчастного старика, которому не давали спокойно дожить свои дни на даче, нянча внуков. Однако ближайшее окружение Президента, разделившее между собой властные функции главы государства, явно не имело намерения уходить вместе с ним в отставку после выборов 2000 года. В результате их активной деятельности война на Кавказе затягивалась до бесконечности, российский рубль стремительно падал, и к концу 99-го доллар стоил уже около тридцати рублей, народ нищал, а политики всех рангов и мастей неустанно твердили о том, что сейчас наша страна не сможет выдержать нового потрясения, связанного со

сменой власти, да и денег на предвыборную президентскую кампанию все равно нет. В результате «по требованию народа», как об этом было объявлено в средствах массовой информации, очередные президентские выборы были перенесены на неопределенный срок.

Надо сказать, что народ отнесся к этому заявлению в целом спокойно. Не было ни стихийных митингов, ни массовых выступлений общественности, возмущенной столь наглым попранием своих гражданских прав. Само собой, были статьи в либеральных газетах, гневные обличительные речи главы парламентской фракции «Яблоко», выступления журналистов по телевидению, да только толку от всего этого было не больше, чем от лая собаки в пустыне. Президент же, от имени которого все это делалось, не имел ни малейшего представления о том, что происходит в стране. Скорее всего он не знал даже, что по-прежнему является ее Президентом.

Очень возмущен подобным поворотом событий оказался московский Градоначальник, который давно уже испытывал под коленками зуд президентских амбиций. Однако, будучи человеком здравомыслящим, он не попер на рожон, а стал постепенно подбирать под себя всю власть в Москве и области. К тому времени, когда открылись Врата, Москва вместе с большей частью Московской области уже де-факто являлась независимым государством, по непонятной причине все еще входящим в состав Российской Федерации. Градоначальник отказался платить налоги в федеральный бюджет, учредил собственную таможню, а московская прописка с успехом заменяла гражданство. При этом никто не роптал. Да и с чего бы было роптать, если в результате действий, предпринятых Градоначальником, реальные доходы населения подведомственных ему территорий выросли в два-три раза. Дело оставалось за малым: чтобы обособиться от всей остальной России и стать независимым государством де-юре, Москве, по сути, нужно было только ввести собственную пограничную службу и свою валюту.

Лето 2001 года, когда в Москве открылись Врата, несомненно, запомнилось всем. Мы медленно погружались в пучину государственной коррупции и криминалитета, и никто даже и подумать не мог, что наша жизнь может измениться столь круто. Первые Врата открылись неподалеку от станции метро «Юго-Западная». И это были Врата в Ад.

Это сейчас, когда путешествие в Ад превратилось в коммерческий аттракцион, Врата разукрашены, словно вход в Пещеру Ужасов в луна-парке, а тогда это был

просто бетонный козырек с ведущими вниз узкими ступенями, по которым навстречу людям вышли черти.

Прошу извинения, не черти, а демоны – именно так они сами себя именовали.

Следом за Вратами в Ад открылись и Врата в Рай. Случилось это тремя днями позже на Манежной площади. Святоши сами позаботились о внешнем убранстве своих Врат, и на месте уродливого колпака с лошадьми, возведенного перед зданием Манежа в конце 90-х, появилась не менее аляпистого вида беседка, увитая искусственными гроздями винограда, бумажными розами и пластиковыми лилиями.

Пока вся страна пребывала в растерянности, первым смекнул насчет того, какую выгоду можно извлечь из случившегося, естественно, наш башковитый Градоначальник. Первым, что он сделал, было заявление о государственном суверенитете независимого государства Московия в составе бывшей Москвы и Московской области. Затем последовали пакты о дружбе и сотрудничестве, заключенные новообразованным независимым государством с Адом и Раем. Черти со святошами наверное, даже не понимали, что происходит, когда подписывали эти документы, ловко подсунутые им в нужный момент. А уж после того, как независимость Московии была признана как Адом, так и Раем, прочим государствам не оставалось ничего иного, как только последовать их примеру.

То, что Рай и Ад на деле оказались не совсем тем, что люди привыкли подразумевать под этими названиями, нисколько не смущало желающих посетить эти удивительные места. Орды туристов, жаждущих получить новые, ни с чем не сравнимые впечатления, ринулись в Московию со всего мира. Первые год-полтора после открытия Врат Московия процветала: невиданными темпами возводились огромные современные отели, повсюду открывались магазины и сувенирные лавки, торгующие продукцией Рая и Ада, а также дешевыми подделками, сработанными местными умельцами, в центре города невозможно было шага ступить, чтобы не наткнуться на экскурсионное бюро или гида-любителя, предлагающего свои услуги всем желающим. Москва буквально на глазах преображалась, превращаясь в огромный современный и при этом совершенно лишенный собственного выразительного и незабываемого облика город. Тем, кто приезжал в Москву, казалось, наверное, что это вовсе даже и не город, а один огромный отель, обросший ночными клубами, казино, борделями, бассейнами, турецкими банями, ресторанами, пабами, церквями и прочими вспомогательными службами, предназначенный для размещения и увеселения

зарубежных туристов. Практически все граждане Московии работали теперь в сфере сервиса и зарабатывали при этом хорошие деньги в международной валюте. Да и московский рубль первоначально был приравнен к доллару. Правда, очень скоро за доллар просили уже три московских рубля, но тем не менее он все еще оставался твердой валютой, имеющей, в отличие от рубля российского, международное хождение.

Кремль Градоначальник трогать не стал – оставил его за Президентом и окружением, превратив в еще один аттракцион для заезжих туристов. А Президент и правительство продолжали делать вид, что все еще руководят некогда великой, а ныне практически несуществующей страной.

Россия медленно, но неумолимо разваливалась на множество карликовых государств, размеры которых зачастую не превышали площади какого-нибудь заштатного уездного городка с прилегающим к нему перелеском и железнодорожной станцией. О том, что происходило на ее необъятных просторах, достоверной информации не было ни у кого. Разве что только CNN сообщало об очередном вооруженном конфликте на территории бывшей России или какая-нибудь местная радиостанция прорывалась в эфир с просьбами о незамедлительной помощи в ликвидации гуманитарной катастрофы. Больше остальных повезло жителям Дальнего Востока и Курил, которые после очередной зимы, проведенной без необходимых запасов продовольствия и топлива, дружно проголосовали за присоединение к Японии. Японцы от такого подарка, естественно, отказываться не стали. Правда, по сообщениям все того же CNN, на Дальнем Востоке назревал новый конфликт, поскольку Китай предъявил свои права на часть отошедших к Японии территорий. Пока все ограничивалось дипломатическими нотами и пикетированием здания японского посольства в Пекине, но, по данным спутниковой разведки, китайцы уже начали перемещение своих войск к границам теперь уже континентальной Японии.

Как бы там ни было, Кремль также установил дипломатические отношения с Адом и Раем. Святоши даже прониклись особым сочувствием к престарелому Президенту. По слухам, они подарили ему камеру, в которой под действием сориентированных особым образом магнитных полей происходили процессы регенерации живых тканей. Говорят, что кусок мяса мог пролежать в этой камере несколько лет и остаться свежим. Однако организм Президента оказался настолько стар и изношен, что двух недель, проведенных в райской камере, ему хватало лишь на десятиминутное телеобращение к россиянам, которое слушали только иностранные туристы, с восхищением наблюдавшие за плавно

заторможенными, как при просмотре отснятой в «рапиде» пленки, движениями Президента и гадали, какой артист озвучивает его на этот раз.

К Московии проблемы бывшей России уже не имели никакого отношения. Порою казалось, что жители Москвы и области старались как можно скорее забыть, что прежде они были подданными великой державы. Сейчас всех их вполне устраивало положение суверенного Диснейленда, зарабатывающего деньги на услугах, предоставляемых туристам. Поток желающих посетить Рай или Ад не иссякал, а поскольку Врата, ведущие туда, находились на территории Московии, каждый из них должен был вначале получить московскую визу, пройти московскую таможню, поселиться в московском отеле и обратиться в московское турагентство. И все это, понятное дело, стоило немалых денег, большая часть из которых, как всем прекрасно было известно, оседала в карманах Градоначальника и его приближенных. Но и простым гражданам тоже кое-что перепадало. Кроме того, каждый имел право открыть собственное дело и заработать столько, сколько было по силам. «Ворует, – с хитроватой улыбкой отвечали москвичи на каверзные вопросы зарубежных корреспондентов о Градоначальнике. – Но и другим дает жить». Налоги были невысокими, заработки стабильными, инфляция почти сошла на нет, – после беспробудной тоски кризисных лет многим начало казаться, что наконец-то наступил тот самый рай на земле, которого мы так долго ждали…

От воспоминаний меня оторвало тихое постукивание кончика карандаша по коленке. Таким деликатным образом Светик давала мне знать, что в нашем офисе появились новые посетители. Я отвел взгляд от потолка и посмотрел на входную дверь.

На пороге стояли два типа, внешний вид которых в прежние времена мог бы вызвать, мягко выражаясь, недоумение. Оба были небольшого роста, плотного телосложения, с круглыми и рыхлыми, словно вылепленными из теста, лицами. Более невыразительные лица трудно было себе представить: маленькие носики-пуговки, крошечные глазки под едва намеченными надбровными дугами, плотно прилегающие к черепу маленькие ушки и совсем крошечные ротики с пухлыми губками, сложенными в приторно-сладенькие улыбочки. Даже прически у этих парней были одинаковые: коротко остриженные, светлые, как у альбиносов, завивающиеся крупными локонами волосы были расчесаны на аккуратные проборы. Только у одного из них пробор проходил слева, а у другого – справа. Одежда посетителей больше напоминала униформу санитаров из очень дорогой частной клиники: белые парусиновые ботинки, белые широкие брюки, белые

укороченные однобортные пиджаки с узкими лацканами и накладными карманами, такие же белые рубашки под ними, и только широкие галстуки, завязанные большими узлами, имели едва приметный кремовый оттенок. Не требовалось большой проницательности, чтобы догадаться, что эта парочка святош явилась сюда прямиком из Рая.

– Нам нужен частный детектив Дмитрий Каштаков, – произнес один из святош, указав при этом пальцем на стеклянное оконце в двери, на котором было написано мое имя.

Голос у него был высокий и чистый, как у оперного тенора.

– Чем могу помочь вам, господа? – осведомился я.

Святоша, первым начавший разговор, посмотрел на меня взглядом чекиста, следом за которым должно было последовать требование предъявить документы.

– Нам нужен частный детектив Дмитрий Каштаков, – тупо, как баран, повторил святоша.

– Прошу вас, – рукой указал я на дверь кабинета.

Святоши чинно прошествовали через прихожую. Один из них открыл дверь в кабинет, пропуская вперед своего спутника. Я быстро подмигнул Светику, которая едва удерживалась, чтобы не прыснуть со смеху, и, спрыгнув со стола, последовал за ними.

Святоши уверенно проследовали к стульям, стоявшим возле моего стола, которые незадолго до этого занимала парочка чертей, и, не дожидаясь приглашения, уселись на них. При этом ни один из них не откинулся на спинку стула, – спины святош оставались прямыми, словно под пиджаками у них были проложены листы пятимиллиметровой фанеры.

Не спеша обогнув стол, я окинул оценивающим взглядом новых посетителей, после чего занял место в хозяйском кресле. Секунду помедлив, я вальяжно откинулся на спинку и картинно возложил ноги на угол стола.

– Вы частный детектив Дмитрий Каштаков? – По тону, каким был задан этот вопрос, можно было подумать, что помимо меня и пары святош в комнате находится еще человек десять.

– А у вас на этот счет имеются какие-то сомнения? – с усмешкой поинтересовался я.

Видя, что у святош действительно все еще остаются сомнения, я рискнул продемонстрировать им свой коронный номер со стаканом водки и маринованным огурчиком.

В отличие от чертей, на святош сей трюк произвел должное впечатление. Едва я поставил пустой стакан на угол стола, как святоша с волосами, расчесанными на левый пробор, чуть подался вперед и сообщил мне доверительным тоном:

– Нам необходима ваша помощь, господин Каштаков.

Интересно, а для чего еще, по его мнению, люди приходят к частному детективу? Просто так, о жизни поболтать?

– Я готов помочь вам, господа, – произнес я с чрезвычайно серьезным видом.

В этот момент святоша с правым пробором издал какой-то невнятный щебечущий звук. Его спутник с левым пробором удивленно глянул на него, после чего снова заговорил со мной:

– Извините, господин Каштаков, но моему товарищу нужно сделать один очень важный звонок.

Святоша говорил по-русски правильно. Я бы даже сказал, слишком правильно, что сразу же заставляло усомниться в том, что этот язык являлся для него родным. Так обычно говорят иностранцы, изучавшие русский язык по книгам Толстого и Чехова.

– Нет проблем, – приглашающим жестом я указал на стоявший на углу стола телефонный аппарат.

– Благодарю вас, господин Каштаков, мы располагаем своим аппаратом.

Насколько искренней была благодарность святоши, понять было трудно, поскольку ангельская улыбочка не сходила с его губ с того момента, когда он переступил порог моей конторы.

Святоша с правым пробором достал из кармана широких брюк крошечный сотовый телефон – в сложенном виде его легко можно было спрятать в кулаке. Открыв телефон и повернув его так, чтобы мне не было видно, что за номер он набирает, святоша быстро пробежал пальцем по клавишам. Я успел заметить только то, что номер был десятизначный, а это означало, что звонил он за пределы Московии.

– Да? – писклявым голосом произнес святоша в микрофон. Затем снова: – Да?.. Мы на месте… Как будто… Нет?.. Очень странно…

Прикрыв микрофон ладонью, святоша посмотрел на меня.

– Простите, господин Каштаков, ваш телефон работает?

– Да, – уверенно ответил я. – А в чем проблема?

– Проверьте, пожалуйста.

Несмотря на вежливую форму обращения, слова святоши если и можно было расценить как просьбу, то только как очень настойчивую, такую, на которую невозможно ответить отказом. Мне это не понравилось, поэтому вместо того, чтобы просто выполнить просьбу, я спросил:

– Зачем?

– Проверьте, пожалуйста, – повторил святоша.

На губах его по-прежнему сияла ангельская улыбочка, но голос звучал так, словно под языком у него сидел скорпион.

Второй святоша мгновенно понял, какую ошибку допускал его спутник, пытаясь на меня давить.

– Извините, господин Каштаков, – быстро произнес он. – Дело, по поводу которого мы хотели с вами поговорить, весьма серьезно, и… – Он запнулся, не зная, что сказать, но быстро нашелся: – Наш телефон не вполне исправен, и, возможно, у нас возникнет необходимость воспользоваться вашим.

Я криво усмехнулся, давая святоше понять, что ни в грош не ставлю его вымученное объяснение. Сняв с телефона трубку, я протянул ее святоше, дабы он сам смог убедиться, что у меня со связью все в порядке.

Не беря трубку в руки, святоша приблизил к ней свое ухо и, услышав гудок, удовлетворенно кивнул.

– Да, – произнес в микрофон сотового телефона другой святоша. – Телефон работает… Не знаю… Это не мои проблемы… Хорошо…

Я положил трубку на рычаг.

Теперь мне, по крайней мере, было ясно, с чего вдруг в мой телефонный шнур забрался райский «клоп»-шпион.

Глава 4

СОКОЛОВСКИЙ

– Между прочим, мое время стоит денег, – напомнил я сидевшим напротив меня святошам.

– Не сомневаюсь в этом, – слегка наклонил голову святоша с левым пробором.

– В таком случае перейдем к делу. Начнем с того, как мне к вам обращаться. Вы не обязаны называть мне свои подлинные имена…

– У нас нет причин скрывать свои имена, – перебил меня святоша. – Я – архангел третьего лика Гавриил. Мой спутник, – он указал на святошу с правым пробором, – херувим первого лика Исидор.

– Простите, – покачал головой я. – Я не очень хорошо разбираюсь в принятой в Раю иерархии. Скажите просто, кто из вас главный?

– Он, – указал на своего спутника Гавриил.

– Понятно, – кивнул я. – Так что за дело привело вас ко мне?

– Нам нужно, чтобы вы отыскали для нас одного человека.

– Он, часом, не покойник? – насторожился я, вспомнив о недавнем визите представителей Ада.

Святоши быстро переглянулись.

– Насколько нам известно, нет, – ответил херувим Исидор. – А почему вы вдруг задали этот вопрос?

– Да так, – с беспечным видом махнул рукой я. – Вспомнилось одно дело… Так кто именно вам нужен?

– Видите ли, господин Каштаков, – вкрадчиво начал Гавриил, – дело, с которым мы к вам пришли, весьма деликатного свойства…

– С иными ко мне и не приходят, – заверил я его.

– Мы хотели бы быть уверены, что все, что станет вам известно в ходе этого расследования, останется в тайне.

– Само собой, – устало кивнул я. – Если бы вы хотели, чтобы о вашем деле стало известно всем и вся, то обратились бы не ко мне, а в НКГБ.

– Мы не стали обращаться в НКГБ не только по этой причине, – ответил Исидор. – Как вам, должно быть, известно, у московского Градоначальника не слишком-то хорошие отношения со Святой Троицей.

– Насколько мне известно, все началось с того, что Святая Троица высказалась в защиту бывшего московского Патриарха, когда Градоначальник снял его с должности своим указом.

– Возможно, Святая Троица была не совсем права в этом вопросе, – доверительным тоном сообщил мне херувим Исидор. – Тогда мы еще не знали, что в Московии священнослужители являются такими же чиновниками, как и любые другие, которых Градоначальник волен как назначать на должность, так и освобождать от нее. Но основное правило, действующее в Раю, гласит: Святая Троица никогда не ошибается.

– С тех пор Градоначальник сменил уже трех или четырех Патриархов, – заметил я. – Тут уж ничего не поделаешь – у нас в Московии Градоначальник всегда прав.

– До тех пор, пока не найдены обходные пути решения этой проблемы, мы вынуждены поддерживать бывшего московского Патриарха, прибывающего ныне в изгнании в Тульской губернии, – с улыбкой на устах и с тихой грустью в голосе произнес херувим Исидор.

– И по этой простой причине мы не можем рассчитывать на то, что НКГБ, полностью подчиняющийся Градоначальнику, станет оказывать нам содействие, – добавил архангел Гавриил. – А поскольку нужный нам человек находится на территории Московии, мы вынуждены обратиться за помощью к частному лицу, имеющему официальное разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий на подконтрольной Градоначальнику территории.

– Ну что ж, если за этим не кроется ничего противозаконного…

Я снова наполнил свой стакан из стоявшей на столе бутылки и залпом осушил его, закусив огурчиком.

– Уверяю вас, господин Каштаков, все в рамках закона, – херувим Исидор молитвенно сложил руки на груди. – Человек, которого мы ищем, собирался принять райское гражданство, но в последний момент внезапно исчез.

– Прежде всего мне необходимо знать имя этого человека, – сказал я, убирая в стол опорожненную на две трети бутылку Смирновской.

– Ник Соколовский, – сказал архангел Гавриил.

Честно признаться, манера святош говорить поочередно мешала мне сосредоточиться. Но я старался не обращать на это внимания. В конце концов, святоши были моими клиентами, и если платить они собираются так же щедро, как и черти, то я готов был терпеть любые их причуды.

– Фотография?

Гавриил выложил на стол небольшую, как на паспорт, фотографию, на которой был снят мужчина лет пятидесяти пяти. Лицо европейского типа, чуть полноватое и несколько оплывшее, мешки под глазами, губы полные, растянутые в напряженной полуулыбке – так обычно улыбаются перед фотокамерой люди, фотографирующиеся не часто, – прическа довольно-таки небрежная: темно-русые с проседью волосы расчесаны на косой пробор.

Лицо Соколовского показалось мне смутно знакомым, вот только пока мне никак не удавалось вспомнить, где я мог его видеть.

– Что вам известно об этом человеке? – спросил я святош, пальцем прижав фотоизображение Соколовского к столу.

– Вы сможете его отыскать? – задал встречный вопрос херувим Исидор.

– Это будет зависеть от многих причин, – глубокомысленно изрек я. – Прежде всего, если мы собираемся вести это дело, нам следует договориться об оплате. Моя стандартная такса…

– Восемьдесят долларов в день плюс накладные расходы и бензин, – закончил за меня архангел Гавриил.

Подобная осведомленность святош неприятно удивила меня.

– И еще двести долларов премиальных в случае удачного завершения дела, – только и осталось добавить мне.

– Нас устраивают эти условия, – сказал с неизменной улыбкой Исидор.

– Аванс – пятьсот долларов, – решительно заявил я.

– Двести, – мягко поправил меня Гавриил.

Но тут уж я не собирался сдаваться.

– Триста!

– Хорошо, – благоразумно не стал спорить Исидор. – Оплата в нимах вас устроит?

Я молча кивнул.

Достав из кармана деньги, херувим отсчитал требуемую сумму: одна бумажка в сто нимов, две по пятьдесят и пять по двадцать – все, как одна, небесно-голубого цвета с изображением некоего туманного облака с исходящим от него сиянием. Дизайн, прямо скажем, так себе. Но поскольку в московских обменных пунктах райский ним приравнивался к американскому доллару, то жаловаться не приходилось. Собрав деньги со стола, я положил их в карман рядышком с адскими шеолами. Определенно, сегодняшний день складывался как никогда удачно.

– Итак? – вопросительно посмотрел я на святош.

– Ник Соколовский до недавнего времени работал в научно-исследовательском институте, в здании которого мы сейчас находимся, – начал Гавриил.

Точно! Я едва не хлопнул себя ладонью по лбу. Именно здесь я его и видел! Последний из могикан, все еще продолжающий трудиться на благо отечественной науки, которая никому уже не была нужна. Конечно же, я не раз и не два сталкивался с ним в холле института и даже, возможно, машинально здоровался, не обращая особого внимания на его серое, осунувшееся лицо давно не отдыхавшего человека.

– Доктор наук, – продолжал между тем архангел. – Заведующий лабораторией генно-инженерных разработок. Принимал участие в ряде международных программ, в том числе и в проекте «Геном человека». В последнее время, как вам известно, московская наука находится в весьма плачевном положении, и не так давно Ник Соколовский изъявил желание переехать на постоянное местожительство в Рай, чтобы там продолжить свои работы…

– Чем занимался Соколовский? – перебил я Гавриила.

– Изучением инсулинового гена с целью создания генно-инженерного инсулина, – ответил архангел.

– В Раю проблемы с инсулином? – удивился я.

– Дело не в инсулине, – на этот раз мне ответил херувим Исидор. – Нам показался интересен сам подход Соколовского к генно-инженерным работам.

Я с пониманием кивнул. Признаться, я не очень хорошо разбирался в биологии, особенно в такой запутанной ее области, как генетика. Что-то помнил из школы, что-то читал в газетах: клонирование овец, трансгенные овощи, планирование пола ребенка – но не более того.

– Значит, Соколовский – не признанный на родине гений? – уточнил я.

– Россия такая страна, в которой гением можно стать только посмертно. – Улыбка архангела Гавриила сделалась настолько приторной, что я достал из стола бутылку Смирновской и сделал приличный глоток прямо из горлышка. – С распадом России ничего не изменилось, Московия продолжает многие ее «славные» традиции.

– Если у вас такие благие намерения, так почему бы в таком случае не развернуть широкомасштабную благотворительную программу по поддержке московской науки, а не переманивать к себе наших лучших ученых?

– Не будьте наивным, господин Каштаков. – Не переставая улыбаться, херувим Исидор умудрился еще и поморщиться. – Вы не хуже нас знаете, куда пойдут деньги, направленные на поддержку фундаментальных исследований. Сейчас

Московии наука не нужна.

– Но когда-нибудь отношение власти к людям науки должно измениться, – попытался возразить я.

– Даже сейчас спасать московскую науку уже слишком поздно, – сказал Гавриил. – Во многих областях научных исследований вы отстаете от остального мира на десятилетие, если не больше. Причина не только в том, что наиболее талантливые московские ученые, не имея возможности обеспечить себе более или менее сносное существование на родине, уезжают за рубеж. За последние два десятилетия практически полностью была разрушена старая академическая школа, а материально-техническое обеспечение научно-исследовательских лабораторий упало до такого низкого уровня, что, скажем, нынешние московские микробиологи позавидовали бы оснащению лаборатории Луи Пастера.

– Все это вполне справедливо, но тем не менее не объясняет, почему вы положили глаз именно на Соколовского.

– Мне кажется, что это не имеет для вас абсолютно никакого значения.

Возможно, я и ошибался, но мне показалось, что в голосе Исидора прозвучали нотки неприязни. Интересно, чем это я так его зацепил?

– Для того, чтобы отыскать Соколовского, я должен знать о нем как можно больше, – спокойно ответил я херувиму. – Даже те детали, которые на первый взгляд кажутся незначительными, могут в конечном итоге сыграть решающую роль.

Святоши быстро переглянулись. Мне показалось, что архангел Гавриил взглядом хотел спросить старшего по должности херувима Исидора, до какой степени они могут быть откровенны со мной.

– Работа, которой занимался Ник Соколовский, представляет для нас особый интерес, – медленно, тщательно подбирая слова, произнес Исидор, – поскольку ее результаты могут оказать определенное воздействие на толкование отдельных вопросов богословия.

Сказано было очень сильно – мудрено и совершенно непонятно.

– А поточнее? – попросил я.

Левая щека херувима нервно дернулась, на одно мгновение превратив ангельскую улыбку на его лице в подобие сатанинской ухмылки.

– Соколовский был близок к тому, чтобы, опираясь на достижения современной науки, доказать присутствие божественного промысла в процессе создания жизни на Земле, – не произнес, а буквально выдавил из себя Исидор.

– Серьезно?

Удивление, отразившееся на моем лице, было абсолютно искренним. Я был далек от религии, как только может быть далек от нее человек, не видящий разницы между ангелом и архангелом. Никакой философской глубины в религиозных текстах я, как ни старался, усмотреть не мог. Не говоря уж о мистических откровениях, больше похожих на бред проснувшегося после глубокого перепоя пьянчуги, не способного отличить сон, который он только что видел, от реальности, в которой неожиданно для самого себя оказался. Напротив, чем вдумчивее я читал сакральные книги, тем больше логических противоречий, а зачастую и просто откровенной глупости, видел я на их страницах. Поэтому мне казалось странным, что серьезный исследователь, чьи представления о взаимосвязях всего сущего в мире были несравнимо глубже и шире моих, мог взяться за доказательство существования бога, используя для этого средства современной науки. Хотя, с другой стороны, в наше сумасшедшее время каждый зарабатывает на жизнь, как может.

И все же мне трудно было поверить, что проблему, которую и ученые, и богословы давно уже согласились считать опирающейся только на силу веры и принципиально недоказуемой, вот так запросто удалось решить никому не известному заведующему лабораторией из московского института, от которого давно уже осталась только одна вывеска на фасаде здания. На мой взгляд, все это сильно отдавало дешевой мистификацией. Но моим клиентам знать о моем мнении было совершенно необязательно.

– Вначале вы сказали, что Соколовский занимался изучением инсулинового гена, – произнес я невинным тоном, так, словно просто хотел освежить свою

память.

Щека Исидора снова дернулась. Никогда бы не подумал, что должность херувима настолько нервная.

– В процессе работы с инсулиновым геном Соколовский неожиданно для себя вышел на совершенно иную проблему, лежащую в интересующей нас плоскости, – произнес Исидор, стараясь, чтобы голос его звучал так же ровно, как и мой.

По тому, как замысловато он выстраивал свои ответы, можно было сделать вывод, что херувим был заинтересован в том, чтобы истинное направление исследований Соколовского продолжало оставаться для меня загадкой. Должно быть, это и в самом деле было нечто уникальное, и святоши отчаянно боялись любой, даже самой незначительной утечки информации. Это, кстати, объясняло, почему, прежде чем нанести мне визит, святоши позаботились о том, чтобы подослать ко мне «клопа». И я ничуть не удивлюсь, если через пару часов в шнуре моего телефона будет сидеть точная копия «клопа», извлеченного из него час назад демоном-детективом Гамигином.

– Хорошо. – Я решил, что узнал о работе Соколовского вполне достаточно, а то, что не пожелали сообщить мне святоши, смогу разузнать, побеседовав с его бывшими коллегами. – Когда и при каких обстоятельствах Ник Соколовский исчез?

– Два дня назад, – ответил мне Гавриил.

– Не рано ли начинать поиски? Он ведь мог просто куда-то на время уехать.

– Не исключено, что Ник Соколовский исчез раньше, – сказал Исидор. – Я лично последний раз беседовал с ним по телефону 7 мая. Мы называем дату 16 мая как день исчезновения Соколовского, поскольку именно в этот день он должен был явиться в наше представительство, чтобы получить новое гражданство. Все документы были уже готовы, и Соколовскому оставалось всего лишь поставить пару подписей. Однако он не пришел.

– Вы пытались сами отыскать его?

– Конечно, – кивнул Гавриил. – Мы обратились к вам только после того, как убедились, что наши собственные поиски не приведут к успеху. За прошедшие два дня Соколовский не появлялся ни на работе, ни дома. Никто из его родственников или знакомых не знает, куда бы он мог отправиться.

– Соколовский жил один?

– У него есть жена и взрослая дочь, – снова взял на себя инициативу Исидор. – Но уже несколько лет они живут раздельно. Сами понимаете, жизнь – штука довольно-таки сложная.

– Мне ли этого не знать, – усмехнулся я. За пару лет работы частным детективом каких только семейных коллизий я не насмотрелся! – У вас самих имеются предположения по поводу того, что могло случиться с Соколовским?

Мне показалось, что Гавриил хотел было ответить на мой вопрос, но, едва только приоткрыв рот, он заметил строгий взгляд Исидора, устремленный в его сторону, и сделал вид, что просто таким образом подавил зевок.

– Я не имею права говорить об этом с уверенностью, но также не могу исключать возможности, что исчезновение Соколовского каким-то образом связано с характером его работы.

Произнести так много слов, красиво сочетающихся друг с другом, словно разноцветный стеклярус в нитке бус, и при этом не сообщить ничего внятного мог только херувим Исидор. И, что самое любопытное, его невозможно было заставить говорить более ясно. Исидор превосходно понимал: для того, чтобы найти Соколовского, мне необходима информация, но при этом отчаянно не желал делиться ею со мной. Как я подозревал, это происходило по причине того, что на херувима первого лика давил груз ответственности, возложенной на него Святой Троицей. Совершив хоть один неосторожный шаг, он мог легко лишиться своего сана и скатиться по райской иерархической лестнице аж до ангела третьего лика. Гавриилу же терять особенно было нечего: что ангел, что архангел – невелика разница. Однако он, в свою очередь, просто не желал конфликтовать со старшим по званию коллегой, а поэтому и не лез вперед него с разъяснениями.

– Вы имеете в виду работу Соколовского по изучению инсулинового гена или же ту ее часть, которую он выполнял по вашему заказу? – задал я уточняющий вопрос Исидору.

Херувим едва на месте не подпрыгнул, услышав такое.

– Ник Соколовский не выполнял никакую работу по нашему заказу! – возмущенно воскликнул он, не прекращая при этом радостно улыбаться, чем живо напомнил мне о печальной судьбе Гуинплена. – Он занимался работой по собственному научному плану!

– Что ж, я могу иначе сформулировать свой вопрос, – не стал спорить я со святошей. – С какой частью работы Соколовского, по вашему мнению, могло бы быть связано его исчезновение: с изучением инсулинового гена или с той, что имела отношение к божественному промыслу?

Похоже, мой вопрос поставил херувима в тупик. Ища помощи, он в растерянности посмотрел на Гавриила.

– Насколько нам известно, обе части работы Соколовского были неразрывно связаны между собой, – ответил на мой вопрос архангел.

– То есть, наткнувшись на нечто, что указывало на проявление божественной сути в процессе акта зарождения жизни на Земле, Соколовский тем не менее продолжал работать с инсулиновым геном? – уточнил я.

– Совершенно верно, – подтвердил мои слова Гавриил. – Генно-инженерный инсулин был для Соколовского идеей фикс. Он продолжал работать над этой проблемой, несмотря на то что сейчас в любой аптеке Московии по весьма доступной цене можно приобрести поставляемый из Ада синтетический инсулин, по качеству не уступающий природному аналогу.

– И что же удалось обнаружить Соколовскому в результате своих исследований?

– Пока нам это и самим неизвестно. – Исидор снова не дал Гавриилу ответить на мой вопрос. – Будучи серьезным ученым, Ник Соколовский не желал говорить об окончательных результатах до тех пор, пока не будет завершена вся работа.

– Но вам-то Соколовский сообщил о своих предположениях? – лукаво подмигнул я херувиму. – Иначе чего бы вы так беспокоились за него?

Исидор снова заерзал на стуле, словно под ним находилась раскаленная докрасна жаровня.

– Я тоже не хочу говорить об этом раньше времени, – нервно произнес он, глядя на календарь с голой девицей. – Если факты, изложенные Соколовским в заявке на исследования, которую он нам предложил, не подтвердятся, то это может серьезно сказаться на репутации Святой Троицы.

– Даже так? – озадаченно прищурился я.

– Соколовский давно и, насколько нам известно, безрезультатно искал спонсора для продолжения своих исследований инсулинового гена, – сказал Гавриил. – Не исключено, что заявку на исследования, которые согласился финансировать Рай, до нас видел кто-то другой.

– А как давно вы финансируете исследования Соколовского? – поинтересовался я.

– В течение девяти месяцев, – ответил архангел.

– И за все это время вы не получили ни одного отчета?

– Соколовский регулярно, раз в месяц, направлял нам отчет с результатами своих исследований. Но они касались главным образом работ по детальному изучению инсулинового гена, которые должны были быть положены в основу его дальнейших исследований, к которым мы проявляли особый интерес.

– А вы не думали о том, что Соколовский мог попросту вас надуть? – спросил я, задумчиво прищурившись. – Подкопил деньжат, которые вы ему давали на исследования, и смотался куда-нибудь в теплые края.

– Исключено! – решительно заявил Исидор. – Финансируя работу Соколовского, мы не давали ему реальных денег, только реактивы и оборудование по составленному им списку.

– Вы не доверяли Соколовскому?

– Чтобы передать Соколовскому деньги, необходимые для работы, мы должны были бы перевести их на институтский счет. Соколовский опасался, что в этом случае директор института приберет их к рукам, а сам он получит из них только малую часть.

В это я мог поверить. Более того, зная, о ком шла речь, я не сомневался, что именно так все бы и произошло.

– А не мог Соколовский перепродавать то, что вы для него покупали? – поинтересовался я. – Насколько мне известно, оборудование и реактивы для генно-инженерных работ стоят немалых денег.

– Кому? – усмехнулся Гавриил. – В Московии те, кому могло бы понадобиться такое оборудование, не имеют денег на его приобретение, даже со скидкой, которую, допустим, мог бы предложить им Соколовский. А вывозить его за рубеж…

Архангел красноречиво развел руками.

Ну да, конечно. За пределами бывшей России никому бы и в голову не пришло покупать с рук лабораторное оборудование неизвестного происхождения.

– Я могу ознакомиться со списком того, что заказывал Соколовский?

– Думаю, что да, – ответил, как следует подумав, Исидор. – Я сегодня же перешлю его вам по факсу.

Я согласно кивнул, после чего вернулся к первоначальной теме.

– Так кого же еще, по вашему мнению, могла заинтересовать работа Соколовского?

Исидор снова заерзал на стуле.

На этот раз Гавриил решил взять инициативу в собственные руки – кто знает, возможно, хотел выслужиться. Сделав своему шефу успокаивающий жест, он обратил на меня свой проникновенный взор.

– Как уже дал понять херувим Исидор, выводы, к которым подводят исследования Соколовского, могут оказать серьезное влияние на расстановку сил в современном мире. Речь идет отнюдь не о мировом господстве, а всего лишь о духовном лидерстве. Достижения современной науки серьезно пошатнули устои веры, которой прежде жил мир людей. Но, как оказалось, та же самая наука способна вернуть людям веру в Святую Троицу. На что мы, признаться, очень и очень рассчитываем. Ответ на вопрос, кто желал бы избежать подобного поворота событий, напрашивается сам собой: антипод и извечный враг Святой Троицы, имя которому Сатана.

Закончив свою речь, Гавриил гордо глянул на Исидора. Херувим в ответ одобрительно наклонил голову.

– Непоправимый ущерб нашему святому делу будет нанесен в том случае, если работы Соколовского никогда не будут преданы гласности, – добавил он. – Но не меньший, если не больший, вред будет нанесен Святой Троице и в том случае, если его исследования будут опубликованы преждевременно, до того, как тщательнейшим образом будут проверены и перепроверены все факты и согласованы все использованные формулировки.

– Вы намекаете на то, что к исчезновению Ника Соколовского могут быть причастны спецслужбы Ада? – спросил я, хотя и без того было ясно как день, на что намекали святоши. Я просто хотел еще раз понаблюдать за их реакцией.

– Лично я, – ответил херувим, подчеркнув начало фразы, чтобы дать мне понять, что это только его мнение, – такой возможности не исключаю. Соколовский мог отправить заявку на исследование как в департамент науки Рая, так и в аналогичное учреждение Ада.

– В таком случае Ад слишком долго ждал, прежде чем убрать Соколовского, – заметил я.

– У Сатаны могли быть какие-то свои, недоступные нашему пониманию мотивы, – тяжело вздохнул Гавриил, который, похоже, тоже разделял взгляды Исидора на

причастность Ада к истории с исчезновением Соколовского.

В связи с этим я счел необходимым проинформировать своих клиентов:

– Как вам, должно быть, известно, я не обладаю полномочиями для проведения каких-либо расследований на территории Ада. В противном случае я рискую не только потерять лицензию, но и угодить под суд, нарушив законы сразу двух суверенных держав.

– Мы не призываем вас нарушать законы, – ответил на это Гавриил. – Все, что от вас требуется, – это провести тщательные поиски Ника Соколовского на территории Московии. Мы будем признательны вам за любую информацию как о самом ученом, так и о документах, содержащих результаты его исследований.

– Записи Ника Соколовского тоже исчезли?

– Да, – коротко кивнул Гавриил. – Нам не удалось обнаружить ни электронной, ни рукописной версии его рабочего журнала. Никаких заметок или записных книжек. Ровным счетом ничего. Если не считать ксерокопий его старых статей и авторских свидетельств.

Признаться, сей факт еще больше утвердил меня во мнении, что Соколовский попросту морочил голову представителям Рая. Кому могли понадобиться записи чудаковатого ученого, упорно пытавшегося создать генно-инженерный инсулин в то время, когда Ад уже поставлял нам синтетический препарат превосходного качества? Впрочем, говорить об этом святошам я не стал, – они были моими клиентами и ждали от меня не умствований на пустом месте, а активной работы. И я не собирался обманывать их ожидания.

– Я могу рассчитывать на премиальные в случае, если мне удастся отыскать только записи Соколовского, а не самого ученого? – спросил я.

– Да, – подумав, ответил Исидор. – Если это будут те самые записи, которые мы ищем.

– Если бы я тоже знал, что именно мы ищем, то это в значительной степени облегчило бы мою работу, – заметил я.

– Простите, господин Каштаков, – испытующе посмотрел на меня херувим, – вы верующий человек?

Я отрицательно качнул головой.

– Что, вообще? – удивился Исидор.

Я утвердительно наклонил голову.

– Вы не относите себя ни к одной из существующих конфессий?

– Как всякий житель Московии я формально числюсь среди последователей Русской православной церкви. Но в реальности… – Я оттянул воротник рубашки, чтобы святоши могли убедиться в том, что на шее у меня не болтается крестик.

Херувим посмотрел на меня едва ли не с жалостью, так, словно я с рождения носил на спине горб размером с телевизор «Сони» со встроенными колонками, а он только сейчас обратил внимание на сей прискорбный факт.

– Как же вы в таком случае живете, господин Каштаков? – спросил с почти искренним сочувствием архангел Гавриил.

– Точно так же, как и те, что изображают из себя глубоко и искренне верующих людей, не являясь при этом таковыми, – ответил я ему.

Архангел сокрушенно покачал головой и с прискорбием развел руками: мол, и рад был бы помочь, да не знаю как.

– Мы будем продолжать обсуждать мое безобразно атеистическое мировоззрение или все же вернемся к делу Соколовского? – спросил я у святош. – Надеюсь, вас не очень смущает тот факт, что человек, которому вы поручаете столь деликатное дело, не разделяет некоторые ваши взгляды?

– Но вы хотя бы читали Священное писание? – с надеждой задал последний вопрос Исидор.

– Пытался, – честно признался я. – Но очень скоро сломался. Скука невообразимая, никакой конкретики и довольно-таки слабый, местами откровенно провисающий сюжетец. А литературные способности большинства авторов из коллектива, работавшего над этой книгой, вообще вызывают лично у меня серьезные сомнения. Я бы выделил только Екклесиаста, чей черный юмор, следует признать, производит должное впечатление.

Исидор посмотрел на своего спутника и безнадежно вздохнул.

– И все же, господин Каштаков, – сказал он, вновь переведя свой взгляд на меня, недостойного, – я думаю, что в том случае, если у вас в руках окажутся записи Соколовского, вы сумеете разобраться, представляют ли они для нас какой-либо интерес или нет.

– Ну, если вы в этом так уверены, – я развел руками, – то и мне остается только верить в свои способности.

Я сказал это для того, чтобы немного польстить святошам, – очень важно, чтобы у клиентов оставалось приятное впечатление от беседы с человеком, которому они решились довериться, будь то врач или частный детектив. Поэтому, даже если на протяжении беседы речь шла о расчлененном трупе, в конце я непременно улыбался своему собеседнику и отпускал какую-нибудь миленькую шуточку. А сейчас мне даже не потребовалось совершать для этого каких-либо усилий, поскольку в кармане у меня лежали триста нимов, полученные от святош, и я почему-то ни секунды не сомневался, что дело Ника Соколовского не займет много времени и не потребует от меня больших усилий. Что он там наплел святошам – его дело. Я был уверен, что Соколовский был всего лишь ученым, пытавшимся в меру своих сил и возможностей как-то устроить свою жизнь в изменившемся и потому ставшем для него непривычным и неудобным мире.

Впрочем, разве не тем же самым занимается изо дня в день любой из нас?

Глава 5

«СЕМЬЯ»

– Как жить дальше будем? – спросила Светик после того, как за святошами закрылась дверь.

Я удивленно посмотрел на свою помощницу.

– В каком смысле?

– Будем шеолы на нимы менять или наоборот? – Светик выразительно пошуршала банкнотами, которые я дал ей пару часов назад.

– А тебе не все равно? – Я упал на диван для посетителей и, раскинув руки в стороны, положил их на спинку.

– В принципе – без разницы, – подумав, согласилась Светик. – Просто хотелось бы знать, на кого мы теперь работаем, на Рай или на Ад?

– А тебе кто больше понравился? – лукаво прищурился я.

Светик на секунду подняла взгляд к потолку, словно рассчитывая прочитать нужный ответ на его идеально ровной белой поверхности.

– Вообще-то, мне показалось, что демоны были одеты более элегантно, – сообщила она свое решение.

– И платят они куда щедрее святош, – усмехнувшись, добавил я.

– Так, значит, мы работаем на Ад?

– Ты какого вероисповедания придерживаешься, Светик? – спросил я вместо того, чтобы ответить на заданный мне вопрос.

Хитро улыбнувшись, Светик потянула тоненькую, почти незаметную золотую цепочку, обхватывающую ее точеную шейку, и показала мне висевший на ней маленький золотой крестик.

– А Писание ты читала? – задал я новый вопрос.

На лице Светика появилась презрительная мина.

– Родители окрестили меня, когда мне еще и года не было. Думаешь, кого-нибудь интересовало тогда мое мнение на этот счет?

– Зачем же ты тогда крестик носишь?

– Не знаю. – Светик сама с интересом посмотрела на свой крестик, после чего кинула его за воротник. – Так, на всякий случай. Мне он не мешает.

– А что ты вообще читаешь? – полюбопытствовал я.

Достав из стола, Светик показала мне две книжки в мягких обложках. Одна называлась «Глухой все слышит», другая – «Слепой указывает дорогу».

– Ты читаешь их одновременно?

– А что? – удивилась Светик. – Беру ту, которая первой под руку попадается. Все равно в обеих одно и то же.

– Про что в них? – спросил я без особого интереса.

– В одной про корейскую мафию, в другой – про китайскую, – так же безразлично ответила мне Светик, после чего сочла нужным сделать необходимое пояснение: – Сейчас все детективы о борьбе НКГБ с иностранными преступниками. Модная тема.

Я рассеянно кивнул, мысленно вновь возвращаясь к событиям более чем двухлетней давности.

Скажите мне, что нужно человеку, у которого уже есть практически все? Не знаете? А ответ простой: ему нужно еще больше! Именно этого принципа придерживался и московский Градоначальник.

Сосредоточив в своих руках всю власть в Московии, Градоначальник вначале заменил старую добрую милицию на Новый Комитет Государственной Безопасности, работники которого, как в достопамятные времена, вновь стали именоваться чекистами. В своих публичных выступлениях Градоначальник объяснил подобную реорганизацию тем, что слово «чекист» всегда вызывало у людей доверие и уважение. Не знаю, возможно, у самого Градоначальника и остались какие-то приятные воспоминания после просмотров старых, еще советских фильмов об усатых дядьках в кожаных куртках, призывно размахивающих маузерами, словно это было не оружие, а эскимо на палочке, но большинство людей моего поколения при слове «чекист» испытывали примерно такое же ощущение, как в приемной у зубного врача, когда нестерпимая боль, пригнавшая тебя сюда, неожиданно прошла и ты начинаешь лихорадочно соображать, как бы поделикатнее удалиться, не привлекая к себе при этом внимания других страдальцев, связывающих надежду на избавление от боли только со словом, которое ты теперь даже упоминать боишься. В ведении милиции отныне была оставлена только патрульно-постовая служба.

Имея твердую поддержку силовых структур, в декабре 2002-го Градоначальник смело пошел на всенародный референдум, на который был вынесен только один вопрос: считаете ли вы, что для дальнейшего процветания Московии необходимо сделать должность Градоначальника пожизненной? Как обычно, предлагалось два варианта ответа: «да» и «нет». Вам потребуются две попытки для того, чтобы угадать, как проголосовало подавляющее большинство населения Московии?

Теперь, уже не волнуясь за прочность собственного положения, Градоначальник взялся за дальнейшие преобразования. Главным его коньком, о чем неумолчно твердили все средства массовой информации, контроль над коими к тому времени также уже находился в руках если не самого Градоначальника, то людей, которым он целиком и полностью доверял, стала борьба с преступностью. Московия, с ее небывало огромным наплывом интуристов, превратилась к тому времени в мощный магнит, притягивающий к себе преступников и пройдох любых специальностей, которые просачивались на ее территорию вопреки всем мерам, предпринимаемым пограничной службой. Казалось, что остановить этот поток было невозможно, поскольку к тому времени в Москве уже имелась целая преступная сеть, занимавшаяся исключительно незаконной иммиграцией. Но вычистить всю эту гниль было необходимо уже хотя бы потому, что зарубежные гости требовали гарантированной безопасности в период своего пребывания на территории Московии и постоянно растущий уровень преступности мог серьезно ударить по

бурно развивающемуся туристическому бизнесу.

Обо всех успехах НКГБ в борьбе с организованной преступностью в Московии пресса своевременно информировала широкую общественность. Главный чекист страны генерал-полковник Мозолин с лучезарной улыбкой рапортовал Градоначальнику о каждой новой победе своих подчиненных, а телевидение транслировало его речи вместе с поздравлениями Градоначальника на весь мир. Но, несмотря на помпу, сопровождавшую все эти акции, рапорты об успехах борьбы с преступностью были отнюдь не липовыми. Уровень тяжких преступлений в Московии снизился почти до нуля. На улицах более не случались ночные перестрелки и взрывы машин. Честные граждане могли спокойно ложиться ночью спать, а днем уходить на работу, не боясь, что в их квартиры вломятся грабители. Угнанные машины возвращались законным владельцам максимум в течение трех суток. Человек, собравшийся в три часа ночи выйти прогуляться в какой-нибудь из московских парков, рисковал встретить там разве что только влюбленную парочку, забывшую о времени и о том, что завтра снова будет день. Градоначальник торжествовал, а простой народ, избавленный от вековечного страха перед преступностью, ликовал.

Однако по первому времени мало кому было известно, что основная заслуга в борьбе с преступностью принадлежала вовсе не славным чекистам, а преступной группировке нового поколения, именующей себя «семьей», которую пригрел под своим крылом Градоначальник. Он действовал по той же схеме, которую использовали еще капитаны парусных кораблей, желавшие избавиться от крыс на борту. История гласит, что в таких случаях капитан приказывал поймать с десяток больших крыс и посадить их в бочку. Просидев в бочке несколько дней, крысы с голоду начинали поедать друг друга. Ту крысу, которая оставалась последней, выпускали на свободу. С тех пор она занималась только тем, что уничтожала всех своих сородичей, которым удавалось пробраться на борт корабля. Выпестовав «семью», Градоначальник выпустил ее на свободу, предоставив полную свободу действий и гарантированное прикрытие со стороны НКГБ.

Война между «семьей» и прочими преступными группировками, пустившими корни на территории Московии, продолжалась около полугода, а по завершении ее Московия была свободна от неконтролируемой преступности. Дольше всех держалась очаковская группировка, но и она капитулировала после того, как представители «семьи», прибывшие на общее собрание банды, выставили на стол пять больших стеклянных банок с заспиртованными головами очаковских

авторитетов.

В дальнейшем «семья» работала просто и эффективно. Как только в Московии появлялись гастролеры, им незамедлительно отправлялось официальное предложение свернуть свою деятельность и убраться туда, откуда они явились. В случае, если голос разума в душах незваных гостей оказывался слишком тихим и невнятным, их отлавливали и уже без лишних слов, связав по рукам и ногам, заливали в бетон в фундаменте строящегося дома где-нибудь на окраине Москвы. Так что можно сказать, что практически все новые московские районы, возведенные после 2003 года, стоят буквально на костях.

«Семью» не интересовали грабежи, угоны машин и прочие преступления, которые напрямую затрагивали благополучие простых граждан. Ее представители занимались проституцией, игорным бизнесом, торговлей наркотиками, рэкетом и вымогательством. Со временем «семья» начала прибирать к рукам и весь легальный бизнес на территории Московии.

Не миновала участь сия и нашу со Стасом фирму «Алярм». Как-то в середине сентября 2003-го к нам в офис зашли двое молодых мужчин весьма респектабельного вида. Не отказавшись от кофе, они с ходу предложили нам продать «Алярм», назначив отнюдь не символическую плату. Я, признаться, был не против принять это предложение, особенно после того, как визитеры довольно-таки прозрачно намекнули, что охранными системами в Московии теперь занимается только «семья». Но не таков был Стас. Он считал «Алярм» своим детищем, а потому наотрез отказался продавать фирму. При этом в запале он еще и наговорил много нелицеприятных слов как в адрес самой «семьи», так и относительно покровительствующего бандитам Градоначальника.

Когда гости допили кофе и, вежливо откланявшись, ушли, Стас только посмеялся. А меня не оставляло предчувствие того, что за этим визитом непременно последует что-то нехорошее. Но даже я не ожидал того, что произошло. Три дня спустя на Стаса напали поздно вечером в парке рядом с его домом. Возможно, его хотели просто припугнуть, но удар, нанесенный по голове, оказался слишком сильным. Стас всю ночь пролежал в кустах, и только утром его обнаружили направлявшиеся на работу жильцы дома. Стас был еще жив, но жить ему оставалось недолго. Ему помогли добраться до квартиры, где он и умер еще до приезда «Скорой помощи».

Узнав о смерти Стаса, я запаниковал. Безуспешно прождав несколько дней нового визита представителей «семьи», я дал объявление в нескольких центральных газетах о том, что в связи с трагической смертью одного из учредителей фирма «Алярм» прекращает свою деятельность.

На следующий же день после публикации объявления в офис, который теперь принадлежал мне одному, явились все те же двое визитеров, предлагавшие неделю назад продать фирму. Прежде всего они выразили мне свои соболезнования в связи с внезапной кончиной моего компаньона. Причем, как мне показалось, сочувствие их было отнюдь не лицемерным. Кто знает, возможно, они и в самом деле не были посвящены в то, каким образом их хозяева обделывали свои дела. Мальчики в дорогих пиджаках поинтересовались, не соглашусь ли я продать им и некоторые технологические разработки нашей фирмы. Поскольку мне они теперь были совершенно ни к чему, я с готовностью согласился. Обрадованные и немного удивленные визитеры поинтересовались, чем я сам собираюсь заниматься после закрытия фирмы. После того, как я выразительно пожал плечами, один из них спросил, не интересует ли меня работа частного детектива. Я воспринял этот вопрос как шутку и только усмехнулся. Но визитер вполне серьезно объяснил мне, что новая правительственная программа, направленная на полную ликвидацию мелкой преступности, предусматривает создание в Московии целой сети небольших частных детективных агентств. Объяснялось это, во-первых, тем, что НКГБ, занимавшийся серьезными преступлениями, совершенными лицами, не входящими в «семью», и сотрудничеством с международными правоохранительными организациями, не желал браться за всякую мелочь, вроде пропавших документов и украденных кредитных карточек. А во-вторых, иностранцы, с которыми случалась та или иная мелкая неприятность на территории Московии, куда охотнее обращались за помощью к частному лицу, нежели к представителям правоохранительных органов. Также мой собеседник заверил меня, что по большей части мне придется только создавать видимость бурной деятельности. Всю основную работу, связанную с преступлениями против иностранных граждан, за меня выполнят профессионалы, которых мне всего лишь нужно будет оповестить по контактному телефону. Уходя, он оставил мне свои координаты, сказав при этом, что за небольшую плату готов за пару дней оформить все необходимые документы по реорганизации фирмы «Алярм» в частное детективное агентство.

Я думал три дня. А на четвертый позвонил по оставленному мне телефону и сказал, что согласен. Через два дня я действительно получил все требующиеся документы: лицензию, регистрационную карточку, удостоверение частного

детектива и разрешение на ношение ручного огнестрельного оружия.

До сих пор не пойму, как меня угораздило стать частным детективом? Должно быть, решающую роль в этом сыграла моя склонность ко всякого рода безобидным авантюрам, которые не несли в себе никаких отрицательных последствий ни для кого, за исключением меня самого, и память о прочитанных в подростковом возрасте детективных книгах Конан Дойля, Честертона и неподражаемой Агаты Кристи. В то время я представлял себе работу частного детектива примерно так: я сижу в своем кабинете, закинув ноги на стол, и, попыхивая трубкой, просматриваю свежий номер «Московских новостей», когда неожиданно в помещение врывается очаровательная леди со слезами на глазах и, падая на колени, умоляющим жестом протягивает ко мне руки. «Помогите мне!» – кричит она срывающимся голосом. Я не спеша складываю газету, подхожу к девушке, помогаю подняться на ноги, усаживаю в кресло и, подав ей бокал бренди, уверенным голосом произношу: «Успокойтесь, все ваши беды позади. Вы пришли именно туда, где вам помогут».

На деле все оказалось совсем иначе. Очаровательная юная особа в моем офисе действительно появилась, но она отнюдь не выглядела несчастной. Звали ее Светланой, и вскоре она стала неотъемлемой частью частного детективного агентства Дмитрия Каштакова. Директор института, в котором арендовала помещения фирма «Алярм», был весьма расстроен, когда я отказался от всех подсобных и вспомогательных помещений, решив оставить за собой только кабинет с прихожей. До меня даже доходили слухи, что он замышлял вообще выставить меня на улицу, чтобы сдать весь второй этаж под мелкооптовый склад какой-то торговой фирме с устрашающим названием «Фобос». Но для того, чтобы уладить эту проблему, оказалось достаточно сделать один звонок по оставленному мне контактному телефону. После этого директор института не только не заводил более разговоров о моем выселении, но даже не особенно нервничал, когда я, случалось, на месяц-другой задерживал арендную плату.

Дела у меня вначале, как и обещал адвокат «семьи», оказавший помощь в организации частного сыскного агентства, и в самом деле пошли совсем неплохо. Заработки были не настолько огромными, чтобы напрочь забыть о чести и совести, но в то же время вполне приличными, чтобы не волноваться за завтрашний день. В Москве регулярно объявлялись визитеры, считавшие, что здесь легкие деньги сами идут в руки, стоит только проявить немного настойчивости и смекалки. Чаще всего это были совсем еще молодые ребята, умеющие быстро и незаметно вытащить бумажник из кармана иностранца,

наклонившегося, чтобы сфотографировать свою семью на фоне Адских Врат, или «мудрецы», считающие, что все вокруг них полные идиоты и они первыми придумали махинации с поддельными кредитными карточками. Схема работы с подобными «самородками» была отработана до автоматической четкости. Иностранец, потерявший на улицах Москвы свой бумажник, паспорт или кредитную карточку, обращался за помощью в ближайшее сыскное агентство. Там его заверяли, что не пройдет и пары дней, как пропажа будет найдена, и звонили по контактному телефону представителю «семьи». «Семья» через сеть своих осведомителей быстро выходила на след новоявленного Аль Капоне и через детективное агентство возвращала утерянную вещь счастливому иностранцу, который потом с восторгом рассказывал своим друзьям и знакомым, что ни в одной стране мира частные детективы не работают с такой быстротой и четкостью, как в Московии. Судьбы же провинциалов, проявивших чрезмерное рвение на поприще преступности, складывались по-разному. Если он впервые попадал в поле зрения «семьи», то его просто упаковывали в холщовый мешок, вывозили за пределы Московии и там выбрасывали из машины. В случае же, когда гастролер появлялся в Московии не впервой, ему суждено было стать частью фундамента одного из строящихся в новом районе Москвы домов.

Однако, поработав с полгода по отработанной схеме, я понял, что это не по мне. Дело было в том, что многие жители Москвы и области, так же, как и я, выросшие на историях о честных и неподкупных частных детективах, также шли в сыскные агентства со своими проблемами и бедами, в которых, по их мнению, НКГБ, связанный с Градоначальником и «семьей», не мог им помочь. И сам не помню, как все это началось, но в конце концов я начал браться за дела, которые вовсе не должны были входить в сферу моей компетенции по определению тех, кто в свое время занимался созданием в Московии сети частных сыскных агентств.

Я был не настолько глуп и самонадеян, чтобы открыто идти на конфликт с «семьей», но все же, насколько это было в моих силах, старался помочь людям, попавшим в беду. Как я и сам прекрасно понимал, долго это продолжаться не могло, и поэтому для меня вовсе не стало неожиданностью то, что в один прекрасный день ко мне в офис явились представители «семьи», смекнувшие наконец, что я веду двойную игру. Неожиданностью явилось для меня другое. «Семья» решила не применять по отношению ко мне никаких карательных мер, кроме одной – отныне меня отлучали от контактного телефона. Таким образом, со всеми без исключения делами я теперь должен был разбираться самостоятельно. Это был своего рода эксперимент: «семья» хотела выяснить, насколько независимым может быть в своей деятельности московский частный

детектив.

Насколько удачным оказался этот эксперимент, я судить не берусь. С одной стороны, я остался жив и даже продолжал свою профессиональную деятельность, от которой получал все большее моральное удовлетворение. С другой – без тех дел, которые я прежде решал легко и просто посредством телефонного звонка, мне теперь с трудом удавалось сводить концы с концами. Отныне каждый рубль я должен был отработать сполна.

Чему я искренне удивлялся, так это стойкости Светика, которая, несмотря на все эти передряги, как и прежде, ежедневно являлась к девяти часам утра в офис, заваривала свежий крепкий чай и с невозмутимым видом занимала свое обычное место за секретарским столиком. Что ее здесь удерживало, я понять не мог. Но уж, во всяком случае, отнюдь не моя незаурядная личность.

– Так на кого мы теперь работаем? – снова спросила Светик. – На Рай или Ад?

– На тех и на других, – ответил я. – Два этих дела никак не связаны между собой. Если в деле чертей еще намечаются отдельные любопытные моменты, то святоши, по-моему, просто занимаются ерундой и готовы платить деньги только за то, чтобы я навел справки о человеке, работавшем в этом самом институте.

Не успел я это произнести, как входная дверь с треском отлетела в сторону. Стекло, на котором очень красиво было написано мое имя, звякнуло так, что я было подумал, что придется заказывать новое. Но, по счастью, стекло осталось цело.

На этот раз посетителей было трое. И, по крайней мере, один из них был мне знаком. Невысокого широкоплечего крепыша, стоявшего меж двумя похожими на цельнометаллические сейфы громилами, звали Виталик Симонов. Однако сам он предпочитал, чтобы его называли Симоном. Симонов являлся руководителем одного из подразделений «семьи» низового уровня. Как говорил, попал он на эту должность благодаря связям своей матушки. Амбиций у Симона было более чем достаточно, однако продвижению вверх по иерархической лестнице сильно мешали его грубость и необразованность. «Семья» считалась в высшей степени респектабельным предприятием, отцов ее нередко можно было увидеть на приеме у Градоначальника или в каком-нибудь из иностранных посольств. Симон же, при всем его стремлении соответствовать требованиям времени, оставался

вульгарным жлобом, начисто лишенным вкуса и способностей к самообразованию. К примеру, он никак не мог уяснить разницы между мизантропом и питекантропом. А как-то раз, случайно оказавшись в приличном обществе, Симон, когда разговор зашел о геополитике, на полном серьезе заявил, что в мире существует не одна, а целых пять Америк. И, что самое удивительное, он все пять указал на карте, уверенно обозначив границы между ними: Южная Америка, Северная Америка, Центральная Америка, Латинская Америка, ну и, конечно же, Соединенные Штаты Америки. В моде Симон придерживался стиля «новый русский» начала 90-х. На нем и сейчас был бордовый двубортный пиджак с широченными плечами, бледно-голубая рубашка без галстука, с расстегнутой верхней пуговицей, широкие светло-коричневые брюки и черные ботинки с тупыми носами. Возможно, все это не производило бы столь комичного впечатления, если бы не лицо Симона, широкое и круглое, с маленьким носиком и тонкими губами, кривящимися в презрительной улыбке. Под стать Симону были и двое громил, сопровождавшие его в качестве телохранителей. Оба были на целую голову выше своего хозяина, а физиономии имели такие, что без грима могли бы сниматься в очередной серии про Бешеного Киборга. Костюмчики на обоих были такими, что Светик разглядывала их, словно на показе мод: темно-синие двубортные пиджаки с длинными полами, широкими лацканами и накладными карманами, широченные брюки и цветастые галстуки. Ей-то было невдомек, что под широкими пиджаками куда удобнее прятать оружие, чем под узкими курточками, которые в последнее время носил едва ли не каждый второй в Московии.

– Ты! – с порога указал на меня пальцем, на который были надеты сразу два золотых перстня, Симон.

Он постоянно говорил на повышенных тонах, и с этим уже ничего невозможно было поделать.

– Возможно, что и я, – не стал отпираться я.

– Мне нужен Красный Воробей! – Симон смотрел на меня так, словно не сомневался в том, что нужная ему птичка сидела у меня в кармане.

– Это сыскное агентство, а не зоомагазин, – попытался объяснить ему я.

– Не морочь мне голову! – заорал Симон. – Мне нужен Красный Воробей!

По причине почти полного отсутствия интеллекта у вышеназванного объекта спорить с Симоном было бесполезно, и я просто указал ему рукой на дверь, ведущую в кабинет, решив, что там нам, возможно, удастся с большим успехом продолжить наш столь содержательный разговор.

Один из Симоновых громил прошел вперед, распахнул дверь в кабинет и внимательно осмотрел помещение. Только после того, как телохранитель убедился, что все чисто, Симон лично проследовал в кабинет. Взглянув на Светика, я беспомощно пожал плечами и вошел в кабинет следом за посетителями.

Симон уже сидел на стуле возле моего стола, закинув ногу на ногу и внимательным взглядом изучая плотный слой бессмысленных записок, покрывающих монитор моего компьютера.

– Что значит «си-би-гур»? – спросил он у меня, прочитав по слогам непонятное ему слово.

– Представления не имею, – совершенно откровенно ответил я, опускаясь в кресло по другую сторону стола.

– Зачем же в таком случае здесь висит эта бумажка? – спросил Симон, щелкнув ногтем по листку, на котором было написано заинтриговавшее его слово.

– Чтобы привлекать внимание не особо умных клиентов, – снова честно признался я.

Симон, однако, не уловил в этой фразе ни малейшего намека на свой счет. Приподняв с невозмутимым видом левую руку, он уставился на отполированный ноготь мизинца.

– Мне нужен Красный Воробей, – повторил он фразу, которую я уже дважды слышал от него в прихожей, и, взглянув на меня, улыбнулся, словно невзначай признал во мне своего потерянного во младенчестве брата.

Глава 6

КРАСНЫЙ ВОРОБЕЙ

Выставив на стол початую бутылку Смирновской и два граненых стакана, я спросил у Симона:

– Будешь?

Виталик скроил презрительную гримасу.

– Какой из тебя детектив, Каштаков, если ты с утра водку хлещешь?

– Однако ты ко мне пришел, – заметил я.

До краев наполнив стакан, я одним кистевым движением ловко опрокинул его в рот.

– Красиво пьешь, – вынужден был признать Симон.

– Практика, – ответил я, откусывая половинку маринованного огурчика.

– А как голова после этого?

– Лучше, чем ты можешь себе представить. Мысли приобретают удивительную ясность и легкость.

Симон скептически поджал губы.

– Так что там у тебя с воробьями? – спросил я, лишив Виталика возможности сказать что-нибудь необычайно умное.

– Мне нужен Красный Воробей, – в очередной раз повторил Симон.

– Никогда не слышал о таком, – покачал головой я. – Но, если хочешь, могу дать адрес одного очень хорошего орнитолога.

– К черту орнитолога! – эмоционально взмахнул рукой Виталик. – Мне нужен Красный Воробей!

Признаться, его настойчивость начала уже меня утомлять.

– Давай-ка попытаемся договориться о терминологии, – предложил я. – Что ты понимаешь под словосочетанием «Красный Воробей»?

– Того козла, который…

Виталик умолк, не закончив фразу. Но и то, что он сказал, уже было немало по сравнению с теми разговорами о Красном Воробье, которые он вел до этого. По крайней мере, теперь мне стало ясно, что Красный Воробей – это вовсе не птица. С другой стороны, мне было совершенно непонятно, с чего вдруг Симон пришел с этой своей проблемой ко мне.

– У этого козла есть нормальное человеческое имя? – спросил я. – Или же даже родная мама называла его Красным Воробьем?

Симон сначала напряженно засопел, а затем изрек еще одну осмысленную фразу:

– Он сказал Егору, что его следует называть Красным Воробьем. А Егор сказал мне, что там у них у всех имена дурацкие.

– Так. – Быстро скользнув взглядом по лицам парочки, стоявшей за спиной у Симона, словно монолиты из Стоунхенджа, я догадался, что упомянутого Егора среди них нет. – Не скажу, что мне все уже стало ясно, но все-таки некая путеводная нить начала прорисовываться, – ободряюще улыбнулся я Виталику. – Нам остается только выяснить, кто такой Егор?

– Это мой консультант по связям с общественностью, – солидно проговорил Виталик.

– И именно он общался с Красным Воробьем?

Виталик утвердительно кивнул.

– А не проще ли в таком случае мне было бы переговорить именно с Егором? – спросил я.

– Нет, – отрицательно мотнул головой Виталик. – Я снял его с должности.

Мне и думать не хотелось о том, что могло означать на языке Симона выражение «снять с должности». И почему всех бандитов так тянет на эвфемизмы?

– А что стало после этого с Красным Воробьем? – спросил я только для того, чтобы хоть что-то спросить, поскольку до сих пор не понимал, о чем, собственно, идет речь.

– Красный Воробей исчез, – ответил Симон.

Что ж, в лаконичности ему было не отказать.

– Красный Воробей исчез после того, как ты снял с должности Егора? – задал я новый вопрос.

– Нет, – недовольно поморщился Виталик. – Все наоборот. Я снял Егора с должности после того, как исчез Красный Воробей.

– Мне хотелось бы уяснить, связаны ли между собой каким-либо образом эти два события? – мягко улыбнулся я, заранее извиняясь за свою назойливость.

Симон тяжело вздохнул.

– Егор свел меня с Красным Воробьем, – медленно начал излагать он свою версию случившегося. – Потом, когда пришло время платить по счетам, Красный Воробей исчез. А Егора я за это снял с должности.

Ну, теперь хоть что-то начало проясняться.

– Где Егор познакомился с Красным Воробьем?

– В этом… как его… – Симон нервно щелкнул пальцами.

– В Интернете, – подсказал ему громила, стоявший слева.

Я удивленно приподнял бровь – трудно было поверить, что у этого слоноподобного мордоворота в мозгу больше извилин, чем у Виталика.

– Точно! – Симон снова щелкнул пальцами, на этот раз радостно, после чего направил на меня свой позолоченный перст. – В Интернете!

Из этого можно было сделать вывод, что словосочетание «Красный Воробей» было кодовым именем одного из пользователей глобальной сети.

– И что за дела были у тебя с этим Красным Воробьем? – спросил я у Симона.

– А вот это тебя не касается! – прикрикнул на меня Виталик.

– Как скажешь, – развел руками я. – В таком случае, быть может, ты сам станешь задавать вопросы?

– К черту вопросы! – нервно дернул подбородком Симон. – Мне нужен Красный Воробей!

– Если тебе известно только кодовое имя этого типа в сети Интернета, то отыскать его практически невозможно. Если, конечно, твоему Егору не приходило в голову во время разговора отследить обратный адрес Красного Воробья.

Виталик щелкнул пальцами и указал на стоявшего слева от него громилу.

– Красный Воробей вел все переговоры из Интернет-кафе на Солянке, – пробасил телохранитель.

– В таком случае, Виталик, можешь забыть о своем Красном Воробье. Если он сам не прилетит к тебе в гости, найти его не сможет никто.

Похоже, данное сообщение пришлось Симону не по вкусу. К тому же его взбесило еще и то, что я назвал его по имени.

– Ты отыщешь мне его! – крикнул он, вновь направив на меня указательный палец с перстнями.

– А почему бы тебе не обратиться в НКГБ? – с деланным непониманием поинтересовался я.

– Не держи меня за идиота, Каштаков, – презрительно скривился Виталик. – Если бы НКГБ мог решить эту проблему, то я бы не пришел к тебе.

– Ты считаешь, что я способен расколоть задачку, которая не по зубам НКГБ? – Я польщенно улыбнулся.

– Не дуркуй, Каштаков. – Глаза Виталика злобно сверкнули. – Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

Конечно, я понимал, почему Симон пришел со своей проблемой ко мне, а не в НКГБ, – Виталик не желал, чтобы о непонятной мне пока игре с Красным Воробьем, которую он затеял при посредничестве своего консультанта по связям с общественностью, стало известно отцам «семьи». Он не подумал лишь об одном – мне неприятности с «семьей» были нужны еще меньше, чем ему. Я и без того оставался на плаву только до тех пор, пока «семья» смотрела сквозь пальцы на мою самостоятельность. Если же я ввяжусь в какое-нибудь дельце, в котором напрямую будут задеты интересы «семьи», то мне это просто так с рук не сойдет. В истории с коллекцией Свиридова меня спасло только то, что, когда «семья» занялась проверкой того типа, который собирался прибрать коллекцию к рукам, выяснилось, что он беспардонно обкрадывал своих боссов, за что и был призван к ответу. Симон, судя по всему, тоже пытался нагреть своих хозяев, но в результате влип в историю, из которой собирался выпутаться с моей помощью. Но, к несчастью, Виталик, хотя и мнил себя ферзем, был не настолько влиятелен в «семье», чтобы в случае необходимости обеспечить мне прикрытие. Да и, зная Виталика, я не сомневался в том, что, если дело с поисками Красного Воробья зайдет в тупик, он сам же и попытается первым сдать меня «семье», навесив на меня все свои грехи.

– Найти человека, зная только его кодовое имя в Интернете, – я скептически поджал губы и с сомнением покачал головой, – задача практически невыполнимая.

– А ты напрягись, Каштаков. – Широкие губы Симона расплылись в язвительной усмешке. – Пошевели мозгами, пошуруй по городу. Я слышал, что у тебя полно осведомителей.

– Осведомители у НКГБ, – ответил я, не скрывая своей неприязни. – А я работаю один.

Виталик лениво засунул руку в карман пиджака, выудил оттуда маленькую золоченую коробочку, вытряхнул из нее на ладонь длинную деревянную палочку зубочистки и сунул ее в угол рта.

– Как хочешь, Каштаков, – процедил он скозь зубы. – А только через три дня ты должен будешь представить мне Красного Воробья.

– Я не работаю на «семью», – напомнил я Виталику.

– Ты будешь работать не на «семью», а на меня, – ответил Симон. – Если хоть кто-нибудь узнает о Красном Воробье…

– Оставь Красного Воробья себе, – не дал я ему закончить фразу. – Я не берусь за это дело.

Виталик перекинул зубочистку в другой угол рта и презрительно усмехнулся.

– Можно подумать, тебя кто-нибудь спрашивает.

Я положил обе руки на стол и подался вперед.

– Слушай, Симон, – произнес я, чуть понизив голос, чтобы тем самым дать понять, что эти слова предназначены только для Виталика, – ты можешь раздавать приказания своим мордоворотам. Мне же твои слова все равно что журчание воды в унитазе.

– Серьезно? – зло осклабился Симон.

– Я никогда еще не был так серьезен, – ответил я.

– Значит, им я приказывать могу? – отставленным большим пальцем Виталик указал на стоявших у него за спиной громил.

– Сколько душе угодно, – ласково улыбнулся я.

Когда я понял, что совершил ошибку, было уже слишком поздно. Виталик щелкнул пальцами, и оба его телохранителя одновременно бросились на меня.

Откинувшись на спинку кресла, я схватил со стола почти пустую бутылку Смирновской и наотмашь ударил ею по лбу громилу, набросившегося на меня слева. Бутылка разлетелась вдребезги, но, что удивительно, на квадратном лице громилы не появилось ни единого пореза. Однако удар заставил его отшатнуться назад и удивленно вскинуть руки. Проведя ладонями по мокрому лицу, громила понюхал их, после чего возмущенно заорал:

– У него там была вода, Симон! Вода, а не водка!

– Что ж ты, гадина, меня водой угощал? – Симон прикусил зубочистку передними зубами.

– Не обессудь, Виталик, но только пить с тобой я все равно не стал бы, – ответил я и одновременно с этим с силой толкнул ногой дверцу стола.

Отлетев в сторону, тяжелая деревянная дверца – сейчас таких уже не делают, – ударила по коленям другого громилу, того самого, которому было знакомо слово «Интернет». Выругавшись, громила наклонился вперед и тут же получил кулаком по зубам. Наверное, при этом ударе сильнее пострадала моя рука, нежели челюсть Виталикова мордоворота. Однако неожиданный отпор вызвал у здоровяка что-то похожее на удивление и заставил на время остановиться, чтобы заново оценить ситуацию. Я готов был поклясться, что увидел в этот момент проблеск разума в его прячущихся под надбровными дугами глазках!

Мне не хватило всего пары секунд для того, чтобы подняться на ноги. Виталиков холуй, о рожу которого я расколол бутылку, успел ухватить меня за воротник и снова кинуть в кресло. Затем, схватив меня за волосы, он дважды ткнул меня лицом в стол. Ожидая чего-то подобного, я успел прижать подбородок к груди, и основная сила обоих ударов пришлась на лоб, а не на нос, как рассчитывал мой мучитель. Нос остался цел, хотя после второго удара на зеленой фланели стола

появилось несколько кровавых пятен. Зато во время второго падения лицом на стол я успел сунуть руку в ящик стола, где у меня лежал девятимиллиметровый «ерихон» с обоймой на пятнадцать зарядов.

Получив рифленой рукояткой пистолета по лбу, громила выпустил мои волосы. Вскочив на ноги, я с разворота ударил его рукояткой по скуле. Голова громилы мотнулась из стороны в сторону, а на щеке его появился кровавый след. Трудно было понять, насколько сильное воздействие произвел на Виталикова телохранителя удар, поскольку взгляд у него от природы был мутным. На всякий случай я еще раз врезал ему рукояткой пистолета по другой скуле. Громила отшатнулся к окну, ткнулся головой в жалюзи и, потянув их за собой, сел на пол.

Развернувшись, я направил ствол пистолета в грудь другому громиле. Тот улыбнулся мне почти по-дружески и чуть приподнял руки, давая понять, что не собирается продолжать драку при таком явном перевесе сил на стороне противника. Пожалуй, он был наиболее сообразительным из всей троицы, завалившейся в мою контору.

На шум драки в кабинет заглянула Светик.

– Все в порядке, – улыбнулся я ей, шмыгнув носом, из которого все еще сочилась кровь. – Завари чаю.

Ничего не ответив, Светик закрыла дверь. Не могу сказать, что подобные методы переговоров с клиентами были обычными в моей практике, однако, работая в офисе частного детектива уже не первый год, Светик повидала здесь всякое, и не было еще случая, чтобы выдержка и самообладание изменили ей.

– Ну, так что теперь? – быстро глянул я на Симона.

– Дурак ты, Каштаков, – спокойно произнес Виталик и, выплюнув на пол зубочистку, прокомментировал свое не особенно лестное для меня замечание следующим образом: – Ты думаешь, у меня нет других способов достать тебя?

Симон коротко взмахнул рукой, и громила, которого я держал под прицелом, снова занял место у него за спиной.

– И что ты предлагаешь? – спросил я, опуская руку с пистолетом на стол.

Враг вроде Виталика Симонова, неумный, но коварный и злобный, мне был совершенно ни к чему. Я не тешил себя иллюзиями и прекрасно понимал, что любое перемирие с Симоном может быть только временным, до тех пор, пока я ему нужен. После сегодняшнего Симон затаит на меня злобу, и, как только я перестану представлять для него интерес, он найдет способ избавиться от меня без лишнего шума. Следовательно, я должен был заинтересовать его своим участием в поисках Красного Воробья, а к моменту окончания дела мне нужно было найти способ приструнить Виталика. Не исключено, что сама по себе информация о взаимоотношениях между Симоном и тем, кто называет себя Красным Воробьем, станет тем материалом, который, если разумно им распорядиться, позволит мне жить спокойно, не высматривая в каждом встречном киллера, подосланного неугомонно злопамятным Виталиком, мнящим себя крутым мафиози, для которого месть превыше всего.

– Штуку зеленых, если отыщешь мне Красного Воробья в трехдневный срок, – не произнес, а выдавил из себя Виталик.

Предложение было более чем щедрым, из чего можно было сделать заключение, что Симон был уверен в том, что платить означенную сумму ему не придется. Но у меня-то на сей счет имелось иное мнение. Прежде чем ответить что-либо на предложение Виталика, я достал из кармана носовой платок и тщательно вытер кровь с лица.

– А что, если за три дня мне удастся только выйти на след Красного Воробья? – поинтересовался я.

– Все будет зависеть от того, насколько много тебе удастся узнать, – ответил Виталик.

Я задумчиво почесал скулу ногтем большого пальца.

– Аванс?

Левая щека Виталика нервно дернулась. Но все же он сумел удержать себя в руках. Не оборачиваясь, он сделал знак рукой своему телохранителю. Достав из внутреннего кармана пиджака пачку денег, телохранитель отсчитал двести

долларов и, бросив быстрый взгляд на ствол «ерихона», который я по-прежнему держал в руке, не двигаясь с места, кинул деньги на стол. Я собрал рассыпавшиеся веером десятки, сложил их пополам и небрежно сунул в карман, где уже лежали полученные сегодня шеолы и нимы.

– Только одно условие! – поднял вверх указательный палец Виталик. – Вместе с тобой будет работать Соломон.

– Соломон? – Услышав это библейское имя, я удивленно вскинул бровь.

Виталик указал пальцем на своего телохранителя.

– Ты Соломон? – недоумевающе уставился я на громилу с квадратной челюстью и пудовыми кулаками.

Тот молча кивнул.

– Имя тебе очень подходит, – заметил я и, посмотрев на Виталика, спросил: – И что прикажешь мне с ним делать?

– Он все время должен находиться рядом с тобой, – ответил Симон.

– Он одним своим видом распугает всех, кто мог бы сообщить мне хоть какую-то информацию о Красном Воробье, – с тоской вздохнул я.

Виталик бросил оценивающий взгляд на своего телохранителя.

Видимо, даже его зачаточного интеллекта оказалось достаточно для того, чтобы понять, что я был прав.

– Хорошо, – сказал он. – Соломон будет дежурить в твоем офисе. Если тебе понадобится его помощь – он всегда в твоем распоряжении. Каждый вечер ты будешь передавать ему все, что тебе удастся узнать за день.

– Ты доверяешь этому парню? – удивился я.

– Нужно же хотя бы кому-то доверять, – усмехнулся в ответ Виталик.

– Тебе виднее. – Я с интересом, по-новому посмотрел на Виталикового телохранителя и, не удержавшись, подмигнул ему. – Жду тебя завтра утречком, Соломон.

Не пойму, чем именно, но чем-то этот парень был мне симпатичен. Возможно, мне понравилось то, что он не кинулся мне на спину, когда я дубасил прикладом пистолета его напарника. Времени у него для этого было вполне достаточно, но он почему-то сделал паузу, дав мне возможность развернуться и направить на него пистолет.

– Если начнешь сегодня, то быстрее управишься, – со свойственным ему туповатым прагматизмом заметил Виталик.

– Прибереги свои советы для других, – недовольно поморщился я.

Виталик презрительно фыркнул и рывком поднялся со стула. Не сказав ни слова на прощание, Симон направился к двери, – меня для него более не существовало. Следом за ним двинулся к выходу и похожий на шкаф Соломон.

– Эй, постойте! – окликнул я их. – А с этим что делать?

Я взглядом указал на второго громилу, который все еще сидел на полу с головой, продетой меж разошедшимися в стороны полосками жалюзи, и что-то невнятно рычал, как медведь, поднятый охотниками из берлоги.

– Что хочешь, то и делай, – пренебрежительно махнул рукой Виталик. – Когда очухается, сам дорогу домой найдет.

Глава 7

АЛЯБЬЕВ

После того, как в прихожей звучно хлопнула дверь, в кабинет заглянула Светик.

– Ну как? – спросила она, выразительно посмотрев на сидевшего у стены мордоворота с головой, продетой сквозь сорванные жалюзи.

– Все нормально, – кивнул я ей в ответ.

– У тебя подбородок в крови.

– Спасибо. – Я провел рукой по подбородку. – Приведу себя в порядок после того, как избавлюсь от гостя.

– Что-нибудь нужно? – спросила Светик.

– Мокрое полотенце и чашка со льдом.

Пока Светик ходила за тем, что я ее попросил принести, я скинул пиджак и накинул на плечи сбрую с кобурой, в которую сунул «ерихон». Стреляю я неплохо, но, честно говоря, не люблю пользоваться оружием. Однако теперь выбирать не приходилось. То, что сегодня мне удалось справиться с Виталиковыми мордоворотами практически голыми руками, говорило разве что только о том, что два здоровяка несколько недооценили своего противника. В следующий раз такого уже не повторится. Ну а поскольку я как частный детектив имел разрешение на ношение огнестрельного оружия и «ерихон» мой был официально зарегистрирован в НКГБ, то не было никаких причин к тому, чтобы не подвесить под мышку кобуру с пистолетом, которая хотя и создавала определенные неудобства, в особенности при общении с дамами, но зато придавала уверенности при встречах с гориллообразными дебилами, у которых лобная кость была толщиною в два пальца.

Взяв принесенное Светиком мокрое полотенце, я накинул его на рассеченное в двух местах лицо Виталикова телохранителя, предварительно освободив его голову от жалюзи. Не добившись желаемого результата, я заставил его наклонить голову и, оттянув ворот рубашки, всыпал ему за шиворот две пригоршни колотого льда. Только после этого громила начал подавать признаки жизни. Через пару минут он уже уверенно поднял руку и стянул с лица мокрое полотенце.

– Как дела? – поинтересовался я, присев на угол стола.

– Сука, – процедил сквозь зубы громила.

– Рад познакомиться, – я улыбнулся приторно-сладко, как святоша. – К сожалению, Симон не счел нужным представить нас друг другу…

Оттолкнувшись руками от пола, громила рванулся в мою сторону. Я схватил со стола чашку со льдом и выплеснул все ее содержимое ему в лицо, после чего просто выставил ногу вперед, на которую этот олух и налетел грудью. Кашляя и отплевываясь, парень отшатнулся к стене. Когда же он снова глянул в мою сторону, то увидел направленный ему между глаз ствол девятого калибра.

– Между прочим, Виталик сказал, что не очень расстроится, если я тебя пристрелю, – сообщил я. – Так что лучше не вводи меня в искушение, а убирайся отсюда подобру-поздорову. Если через десять секунд я еще буду видеть твою тупую рожу в своем кабинете, то, честное слово, могу совершенно случайно нажать на курок.

Громила злобно сверкнул глазами, рукавом пиджака вытер лицо и, поднявшись на ноги, затопал в сторону выхода. Ну вот, подумал я, выходя следом за ним в прихожую, нажил себе еще одного врага. И спрашивается, чего ради?

Дверью громила хлопнул так, что едва не вылетело стекло. Но к подобному нам со Светиком было не привыкать – раздосадованные клиенты имели привычку хлопать дверьми, поэтому плата за разбитое стекло заранее включалась в счет.

– У нас проблемы? – спросила Светик, подавая мне чашку со свежезаваренным чаем.

– Да как сказать, – задумчиво ответил я. Вопрос, заданный Светиком, сподвигнул меня на то, чтобы попытаться философски осмыслить результаты разговора с Виталиком Симоновым. – С одной стороны, за сломанные жалюзи мне заплатили двести долларов, что совсем неплохо. С другой стороны, Симон затаил на меня злобу, и если через три дня у меня на руках не будет материалов, которые позволят прижать Виталика к стенке, то не исключено, что к стенке поставят меня. Про стенку – это я образно выразился, – добавил я, взглянув на Светика. – Скорее всего меня просто пристрелят на рабочем месте, в моем же собственном

кабинете. Мне бы хотелось упасть с простреленной грудью под плакатом «Касабланки».

– Почему? – удивленно взглянула на меня Светик.

– По-моему, лежать, истекая кровью, под плакатом с голой девицей, – это уж слишком вульгарно. Даже для такого никчемного типа, как я.

– Вызвать мастеров, чтобы починили жалюзи?

– Завтра, – махнул я рукой. – Сегодня я несколько мнителен. Если кто-нибудь выпадет из окна, я непременно стану считать, что это случилось по моей вине.

Я наклонил голову и устало потер пальцами виски. В голове был сплошной кавардак. Нужно было начинать что-то делать, а я никак не мог решить, за что взяться в первую очередь. И это при том, что мне предстояло работать сразу на троих клиентов.

– Я могу чем-то помочь? – тихо спросила Светик.

Я посмотрел на часы. Было без десяти четыре. Начинать поиски Красного Воробья следовало с Интернет-кафе на Солянке. Но через час там начнется настоящее столпотворение чудиков, завернутых на виртуальной реальности, которые, напялив на головы гипершлемы, погрузятся в мир собственных фантазий и иллюзорных образов, созданных с помощью двоичного цифрового кода. В подобных местах мне уже приходилось бывать, поэтому я точно знал, что найти там хотя бы одного нормального человека, способного адекватно воспринимать окружающую действительность и выражать собственные мысли без посредства клавиатуры, можно разве что только до обеда.

Честно признаться, меня удивляло и даже в какой-то степени настораживало то, как много молодых людей проводили все свое свободное время в мире виртуальной реальности. Для многих из них это становилось настоящей проблемой, превращаясь в нечто похожее на наркотическую зависимость. Мне доводилось слышать о случаях, когда сознание человека настолько адаптировалось к компьютерным образам, что он полностью утрачивал связь с реальностью. Никто не знал, что творилось у него в башке, но живым он выглядел, только когда на голове у него был гипершлем. В остальное же время

он напоминал зомби, жизнь в теле которого можно было поддерживать только искусственно. Власти Московии упорно закрывали глаза на эту проблему, считая, что лучше пусть молодежь сидит за компьютерами, чем без толку шатается по улицам. И это при том, что любой грамотный психиатр вам скажет: уход людей от действительности, каким бы образом он ни осуществлялся, с помощью наркотиков или через созданные компьютером гиперобразы, свидетельствует в первую очередь о нездоровье самого общества, в котором люди не хотят жить.

Впрочем, это находилось уже вне пределов моей компетенции.

Поскольку идти сейчас в Интернет-кафе было совершенно бессмысленно, а никаких других зацепок ни по одному из дел у меня не было…

– Кстати, пришел факс из Рая, – неожиданно сообщила Светик.

Она передала мне три листа бумаги, два из которых занимал длинный список химических реактивов, названия которых мало о чем мне говорили, кроме того, что во многие из них входила радиоактивная метка. На третьем листе был напечатан список лабораторного оборудования и приборов. Для того, чтобы по одним только названиям догадаться, что именно они собой представляли, нужно было обладать незаурядным воображением.

Сложив бумаги вчетверо, я сунул их в карман.

– У нас в холодильнике имеется бутылка водки? – спросил я у Светика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kalugin_aleksey/ne-tak-strashen-chert

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити